ТАТЬЯНА

ПОЛЯКОВА

Голос, зовущий в ночи

АВАНТЮРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Голос, зовущий в ночи

«Эксмо»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Голос, зовущий в ночи / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2019 — (Авантюрный детектив)

ISBN 978-5-04-103953-0

Вот и сбылась моя мечта: мы с Владаном Маричем вместе 24 часа в сутки – и на работе, и дома! Он сыщик, а я его боевая подруга и помощница. И теперь я все чаще и чаще задумываюсь, что район с говорящим названием Яма – не лучшее место для семьи и наших будущих детей. Словно в подтверждение моих мыслей, к нам обращается заместитель главы Фонда «Жизнь без наркотиков». Три месяца назад убили основателя Фонда Ольгу Васину. По горячим следам преступление так и не раскрыли. Что неудивительно: слишком серьезным людям Ольга перешла дорогу. Вопреки уговорам друзей не играть с огнем, Владан берется за это дело. Оказывается, у всякого, даже самого благого начинания, есть и своя темная сторона. Не все так чисто и благородно в Фонде – темная сторона взяла верх над светлой…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103953-0

© Полякова Т. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 40

Татьяна Полякова
Голос, зовущий в ночи

© Полякова Т. В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Девушку я узнала сразу. Впервые я увидела ее недели три назад. Мы с Владаном возвращались от Тарика, его давнего приятеля. Тарик – хозяин ресторана, куда мы время от времени с удовольствием наведывались. Был солнечный день, какие выпадают только в начале осени, когда воздух уже прохладен, с намеком на близкие холода, а вокруг буйство красок, и астры под солнечными лучами алеют, словно назло скорой унылой серости.

В общем, настроение у меня было прекрасное. Надо сказать, в последнее время я чувствовала себя счастливой, и поводов для этого хоть отбавляй. Первый и, само собой, главный: теперь мы с Маричем были парой. Не могу сказать, что мы особо продвинулись в создании ячейки общества, поскольку так и не съехались, продолжая жить каждый в своей квартире. Владан о совместном ведении хозяйства не заговаривал, и я помалкивала. Хотя только об этом и мечтала. Впрочем, мои мечты устремлялись куда дальше, я видела себя законной женой в окружении ватаги ребятишек (я всегда хотела иметь троих детей, наверное, потому, что у меня ни братьев, ни сестер не было). Но торопить Марича я боялась, точнее, опасалась все испортить этой своей торопливостью. Тем более что главный приз я уже получила: мы были вместе и расставались крайне редко. Что еще надо для полного счастья? То есть много чего, как выяснилось, но девушка я скромная и пока довольствовалась тем, что есть.

Никаких дел у нас в тот день не было, вот Владан и предложил пообедать у Тарика. По пути домой он выглядел крайне довольным, заговорщицки мне подмигнул, так что я не сомневалась: очень скоро мы окажемся в его постели. Если честно, я бы предпочла свою квартиру, но и против его не возражала. Тем более что мне удалось-таки придать его берлоге более или менее жилой вид. Владан, наблюдая за моими трудами, кривился, но помалкивал, что вызвало глубочайшее удивление у Маринки, его бывшей.

– Что делается! – со смешком сказала она, заглянув в квартиру и обнаружив новый матрас и плотные шторы на окнах. – И он еще не пытался смыться?

– Пока нет, но я не наглею. Начала с матраса. То, что старый никуда не годится, даже Владану пришлось признать.

– Начать с матраса – идея отличная, – кивнула Маринка. – Вы, поди, все время на нем проводите.

– Мы себя не ограничиваем, – кивнула я, а она фыркнула:

– Не могла не съязвить.

– Учусь у старших товарищей.

Вообще-то мы с Маринкой дружим, данное обстоятельство вызывает недоумение у всех, в том числе и у меня. Но что есть, то есть.

Сидя в машине, я чуть передвинулась и прижалась к плечу Марича, а он меня поцеловал. Поцелуй был коротким и сопровождался улыбкой, из тех, что редко кому доводилось видеть на его лице. И я подумала: мой возлюбленный счастлив, как и я. Хотя сомнения в этом факте меня не оставляли. Вдруг он жалеет о том, что произошло между нами? Но в тот самый момент волю подобным мыслям я не давала, пребывая в предвкушении блаженства (имела к тому все основания).

Вот тут мой взгляд и остановился на проходившей мимо девчонке. Мы как раз угодили в пробку. Улочки в районе, прозванном Ямой, узкие, кривые и, само собой, в ухабах и рытвинах. Как говорится, наши дураки и здесь смогли добраться до наших дорог и очень даже преуспели. Машин между тем в этом богом забытом месте становилось все больше и больше, так что пробки теперь обычное дело.

Владан чертыхнулся, а я продолжила наблюдать за девчонкой. Ей было лет пятнадцать, хотя наверняка не скажешь. Бледное лицо с темными кругами под глазами скорее бы подошло девице гораздо старше, но тоненькая фигурка, рюкзачок со стразами и короткая юбочка в клетку говорили о том, что передо мной наверняка подросток. Волосы у корней черные, в середине фиолетовые и почти розовые на концах, длинная неровная челка закрывала половину лица. Нос, бровь и верхнюю губу украшали железные кольца.

Я невольно вздохнула. В моих мечтах о детях явно отсутствовал пункт о чаде-подростке со вкусами, отличными от моих. «У нас все будет по-другому», – поспешила я себя успокоить, но не особо преуспела.

Тут я поняла, что девчонка идет не одна. Впереди двигался мужчина в плаще и шляпе, надвинутой на самые глаза. Он повернулся и по-хозяйски кивнул девчонке, предлагая ускориться. На вид ему было лет сорок пять, вот я и решила: это ее отец.

– Нелегко ему, должно быть, приходится, – вслух подумала я, продолжая наблюдать за этой парой, пока мы еле-еле тащились по кривому переулку.

– Кому? – не понял Владан, а я кивнула на девочку.

– Думаю, отец с ней намучился.

Марич вдруг засмеялся.

– Что? – спросила я с вызовом, гадая, с чего вдруг его так разбирает.

– Ты решила, что тип в плаще – ее отец? Хреновый из тебя сыщик.

– Я видела, как он смотрел на нее. Они совершенно точно вместе, хоть и держатся на расстоянии. Девчонка строптивая, не желает идти рядом.

– Я думаю, девчонке пофиг, а вот мужик не хочет, чтоб их видели вместе. Спорим, свернут в первую же подворотню.

– Ты хочешь сказать… – начала я, и в этот момент мужчина в плаще, воровато оглядываясь, юркнул в подворотню, а вслед за ним свернула и девочка.

Владан кивнул.

– Девчонка – наркоманка, это видно за версту. Дядя решил недорого получить удовольствие, а для нее это самый простой способ добыть деньги.

– Ей лет пятнадцать! – испуганно сказала я.

– Судя по тряпкам, может, и меньше. Хотя выглядит изрядно потасканной. Значит, уже давно на дури.

– И ты говоришь об этом вот так спокойно?

– А как еще? Выскочить из машины и заорать: «Куда, на хрен, катится этот мир?!» Народ решит, что я с утра набрался. А в остальном это мало что изменит.

– Господи, какой мерзавец, – пробормотала я и, вовремя спохватившись, добавила: – Я этого типа имею в виду…

– Слава богу, я уже думал, что попал под раздачу. Милая, ты забыла, где мы находимся. Это Яма. Хотя сомневаюсь, что в прочих местах намного лучше.

– И что, мы должны стыдливо отворачиваться? Делать вид, что это нас не касается?

– Меня точно не касается. И тебя, кстати, тоже. Я не Бэтмен, чтоб биться со злом в одиночку, а ты не Женщина-кошка. Хотя, справедливости ради, что-то кошачье в тебе есть.

Он улыбнулся, но, против обыкновения, его улыбка благотворного действия не возымела.

– Это совсем не смешно, – сказала я.

С минуту он смотрел на меня исподлобья, чертыхнулся едва слышно и, притормозив возле тротуара, вышел из машины.

– Куда ты? – бестолково заголосила я, но к тому моменту он уже скрылся в той самой подворотне.

Я немного поерзала, глядя в окно, готовая зареветь с досады. Какого черта я полезла с этим разговором? Владан в гневе такого натворить может… Гневался он, само собой, на меня, но огребет по полной дядя в шляпе. Неизвестно, что это за тип. В любом случае его следует сдать в полицию, а не калечить.

Я торопливо покинула машину и бросилась к подворотне. Владана обнаружила в глубине двора за трансформаторной будкой. Дядя, успевший потерять шляпу, отползал в сторону, вытирая разбитое лицо, девчонка нервно шмыгала носом. Владан сунул ей в ладонь купюру, и она припустилась прочь, чуть не сбив меня с ног. Марич, ухватив меня за руку, потащил со двора.

– Ты дал ей денег? – пробормотала я.

– Дал. Само собой, она их на наркоту потратит, зато это на сегодня избавит ее от необходимости иметь дело с охочими до девчонок дяденьками. Можешь считать, что мы совершили доброе дело.

– Его надо было сдать в полицию, – сказала я, хотя за пять минут до этого уже ругала себя за длинный язык.

– Давай сдадим, – кивнул Марич. – Он напишет заявление, что я напал на него среди бела дня. Псих, наверное.

– Если девочка…

– Уймись, Полина! – рявкнул он. – Девчонке полиция нужна так же, как и мне. И даже меньше. Если у тебя возникла идея исправить человечество, то она бесперспективна в силу своей полной бредовости.

– По-твоему, лучше оставить все как есть?

– По-моему, человек – кузнец своего счастья. Такой ответ тебя устроит? Можешь удочерить девчонку и еще десяток ей подобных. Свою жизнь гарантированно испоганишь, а их вряд ли спасешь. И давай закроем эту тему, – вздохнул он, устраиваясь за рулем.

– Извини, – покаянно сказала я, сообразив, что это наша первая ссора с того момента, как мы вместе.

– Вот на хрена было день портить, – досадливо покачал он головой, но тут же обнял меня и поцеловал. По-настоящему.

И девчонка была забыта. Хотя нет, время от времени непрошено являлись воспоминания, и я, не отдавая себе в том отчета, высматривала ее на улицах.

И вот теперь она лежала передо мной в гробу. Смерть сделала ее лицо спокойным, почти умиротворенным. Кожа из-за умело нанесенного макияжа казалась фарфоровой, точно прозрачной. Теперь было видно, она совсем ребенок, мало похожий на ту девчонку, обвешанную железом, которую я помнила. И все-таки это была она. На фиолетовых волосах веночек из белых цветов. Вряд ли ей вздумалось бы надеть такой.

Возле гроба стояли ее родители. Мать, худую, будто высохшую женщину, поддерживал под локоть высокий мужчина. Костюм на нем, казалось, вот-вот лопнет по швам, оттого я решила, что он с чужого плеча или очень давно пылился в шкафу. Мужчина то и дело растерянно оглядывался, точно не понимая, что происходит. Народу собралось немало. Родственники, соседи и случайные любопытные. Вроде меня. Сюда я пришла вместе с Тамарой, она работает в баре неподалеку от нашей конторы. Крикливая толстуха с доброй душой, обладательница огромного бюста, с которым могло бы соперничать лишь ее безграничное любопытство.

Владан с утра уехал по делам, о которых не пожелал мне рассказать. Если честно, подобные отлучки меня пугали. Не так много я знала о той части жизни моего возлюбленного, которую он предпочитал не афишировать, но и того, что знала, для беспокойства хватало с лихвой. После вот таких отлучек он запросто мог исчезнуть на несколько дней, а то и недель. Где его носит, оставалось лишь гадать, одно несомненно: там точно слишком опасно. Таким, как он, легких заданий не поручают. Отец Марича из боснийских сербов. Мать русская, и до подросткового возраста он жил в нашем городе. Как раз в этом самом районе. А потом вместе с родителями оказался в Боснии. Как пишут в романах – в самый разгар событий. Родители его погибли, а он… в общем, хватил лиха через край, оттого голова его давным-давно седая, хотя до преклонных лет ему еще далеко. Ходили упорные слухи о его связях с нашими спецслужбами, а я смогла убедиться: возникали они не на пустом месте. Оттого и боялась.

В общем, в то утро Владан уехал, я довольно скоро начала беспокоиться, не выдержала и позвонила ему на мобильный. Механический голос равнодушно произнес: «Телефон выключен или находится вне зоны действия сети». Я едва не заревела с досады. Беспокойство росло с каждой минутой, я начала грызть ногти, что уж вовсе никуда не годилось. Владан терпеть не мог, когда я лезла в его дела. На звонки он не ответит, и на мои вопросы, когда вернется, тоже. Следовало успокоиться и терпеливо ждать.

Вот я и отправилась к Тамаре в бар напротив. Послушать новости и отвлечься от своих мыслей. Тамара, опершись на стойку, смотрела телевизор. На экране толстенькая дурнушка на глазах телезрителей стремительно превращалась в красавицу.

– Мне, что ли, на какую-нибудь передачу податься? – произнесла Тамара, заметив меня. – Глядишь, обрету свое женское счастье.

– Если вы имеете в виду свою внешность, лучше не надо, вы и без того выглядите роскошно, – подхалимски заявила я.

– Так-то оно так, – кивнула Тамара, поправляя выдающийся бюст. – Но с личной жизнью полная жопа. Катастрофа, я хотела сказать. Зато у тебя, как я понимаю, она бьет ключом. Матрас новый купили. А старый что, не выдержал?

Я закатила глаза, предпочитая не отвечать, а Тамара вдруг заявила:

– Смотри у меня, – и сердито погрозила пальцем.

– Куда? – опешила я.

– Не куда, а просто. Вот только посмей ему в душу плюнуть.

– Что это вы выдумали? Плевать кому-то в душу вообще не в моих правилах. А Владана я люблю… – Тут я махнула рукой. – Это вы не хуже меня знаете.

– Знаю, но все равно переживаю. Потому что такие, как ты, для мужиков – чистое наказание.

– Да почему?

Но ответа на свой вопрос я не получила, у Тамары зазвонил мобильный.

– На проводе, – буркнула она, послушала звонившего и спросила: – Сегодня? Прямо сейчас? Что ж ты раньше молчала? Бегу. – Она сунула мобильный в карман и сказала мне: – Пошли.

– Куда?

– Девчонку хоронят на соседней улице.

– Девчонку? – зачем-то переспросила я, едва успевая за Тамарой, которая, покинув бар, теперь запирала на ключ входную дверь.

– Да не помню я ее фамилию. Отец грузчиком на рынке работает. И мать там, у Симы Якута в продавцах. Девчонку не раз видела, зовут ее Джульетта, оттого имя и запомнила.

– Да уж, такое имя грех не запомнить, – согласилась я.

Тамара, несмотря на свой вес, бойко устремилась к соседней улице, мне пришлось ускориться, чтобы от нее не отстать.

– Мать у нее из тех краев, где такие имена в чести.

– Из Италии, что ли? – не особо поверила я.

– При чем тут Италия? То ли из Башкирии, то ли из Бурятии. У меня тетка из Уфы, угадай, как зовут?

– Дездемона? – съязвила я.

– Я что, тебе уже рассказывала? – удивилась Тамара, но шаг не сбавляла.

– Правда Дездемона?

– Чего мне врать-то?

– Интересно. А мальчиков Отелло называют или везет только девочкам?

– Про мальчиков не скажу. Дядька мой из Актюбинска, слышала про такой город?

– Конечно, – кивнула я.

– Вот… там с Дездемонами негусто.

Тут мы свернули на соседнюю улицу, и я увидела внушительную толпу возле ветхого домишки в три окна с покосившимся невысоким забором. Рядом стояли автобус и катафалк, прозрачно намекая на то, по какому случаю собрались люди. Церемония прощания, судя по всему, заканчивалась, Тамара шествовала сквозь толпу, и я трусила за ней, не очень понимая, зачем это делаю. Излишним любопытством я, конечно, страдаю, но похороны его уж точно никогда не вызывали.

Через пару минут мы оказались возле самого гроба, я взглянула на лицо покойницы… Меня словно в грудь ударили. Вот тогда и припомнилась наша встреча. Я смотрела на девочку, не в силах пошевелиться. Заиграла музыка, мать Джульетты испуганно вскрикнула, вцепившись в руку мужа. Двое мужчин, подхватив крышку, накрыли гроб под громкие крики матери. Тамара оттащила меня в сторону, чтобы дать дорогу мужчинам, которые несли гроб к катафалку.

– Надо бы на кладбище проводить, – вздохнула она, – да бар надолго не оставишь.

Родственники загрузились в автобус, вслед за катафалком он тронулся с места, народ начал расходиться. Тамара болтала со знакомыми, я в растерянности топталась рядом.

– Пошли, – позвала она меня, когда на улице остались лишь несколько старушек. Возвращались мы не торопясь. Тамара горестно вздыхала. – Пятнадцать лет… матери какое горе… она и так вся больная… Хорошо хоть, еще ребенок есть, мальчишка лет восьми. За бабку держался, видела? Живи теперь и бойся, а ну как и его не убережешь?!

– От чего девочка умерла? – с трудом сглотнув ком в горле, спросила я.

– От чего здесь молодые умирают? То ли передоз, то ли дрянь какую-то подсунули. По мне, вся наркота – отрава, но и среди тех, кто ее толкает, народ разный. Иные ничем не брезгуют, лишь бы денег побольше сорвать.

В баре мы выпили чаю, больше о девочке не заговаривая. Появились посетители, и я отправилась в офис, где, устроившись за столом, разглядывала стенку напротив в ожидании Владана. Наконец он появился. Вошел, поцеловал меня в макушку и сел напротив.

– Чего вид кислый?

– Девочка умерла, – вздохнула я. – Та самая, что мы встретили. Представляешь, ее звали Джульеттой.

На лице Марича читалось недовольство, он поспешно отвернулся.

– Чего ты молчишь? – спросила я.

– А что я должен сказать? Смертность среди наркоманов высокая? Еще какие-нибудь мудрые изречения?

– Владан…

– Стоп, – перебил он. – Мы уже говорили об этом. Тебе жаль девчонку, мне тоже жаль. И девчонок, и мальчишек.

– Но ведь с этим надо что-то делать, – промямлила я.

– Ага. Кто-то наверняка что-то делает. По крайней мере, существует целая структура, призванная с наркотой бороться. Вот и борются. Возможно, даже с успехом. Но если у них не всегда получается, то рядовым гражданам, каковыми мы и являемся, в такие дела лучше вовсе не соваться. И давай на этом закончим, не то я отправлю тебя в долгосрочный отпуск куда-нибудь на Мальдивы.

– Мне кажется, мы могли бы… – начала я, но Владан отрезал:

– Пусть не кажется.

Ночевать я осталась у Марича. Утром выяснилось, что закончился кофе. Владан, узнав об этом, махнул рукой, мол, невелика беда, но меня, как обычно, тянуло на подвиги.

Выглянув в окно и убедившись, что Тамара уже на рабочем месте, я позвонила ей и попросила приготовить двойной эспрессо.

– Я прибегу через пять минут.

Стянула волосы в хвост, накинула ветровку и припустилась в бар, пока Владан принимал душ. Переходя дорогу, обратила внимание на женщину. Она стояла в паре метров от нашего офиса, держа дамскую сумочку обеими руками, и нервно оглядывалась. Тамара выставила на барную стойку два стаканчика с кофе и кивнула в сторону окна, выходившего на наш офис.

– По вашу душу.

– Женщина? – сообразила я.

– Ага. Ткнулась в дверь, теперь вот стоит уже минут пятнадцать. Видать, очень вы ей нужны.

– Она на машине приехала? – спросила я.

– Машину не видела. Похоже, так пришла. Должно быть, кто-то из местных, хотя я ее первый раз вижу. Интересно, чего ей от Владана понадобилось?

Мне тоже было интересно. Взяв кофе, я направилась к офису, женщина, заметив меня, шагнула навстречу.

– Вы Полина? – спросила неуверенно.

«Точно из местных», – приглядываясь к женщине, решила я. Чужакам в голову не придет передвигаться здесь пешком, у района слишком дурная слава, а машины поблизости не наблюдалось. То, что она знает мое имя, лишь подтвердило догадку.

– Да, – кивнула я в ответ на ее вопрос. – Вы к Владану?

– Мне очень надо поговорить с ним, – заволновалась она. – Вы не беспокойтесь, если надо, я подожду.

– Он сейчас придет, – заверила я и припустилась в квартиру возлюбленного.

На лестничной клетке я столкнулась с Маринкой, которая жила в этом же подъезде. Ярко-красный тренч, небрежно повязанный платок, высоченные каблуки. Выглядела она на миллион баксов. Не то что я…

«Я моложе, – поспешно напомнила я себе и мысленно фыркнула: – Нашла чем гордиться».

– Чего с утра носишься? – хмуро осведомилась Маринка, задержав взгляд на бумажных стаканчиках в моих руках.

– Забыли кофе купить, – вздохнула я. – А ты куда собралась?

– На кудыкину гору, – ответила она, не спеша спускаясь по лестнице.

Тут же возникло желание позвонить папе. Я точно знала: они встречаются. Но насколько продвинулись в своих отношениях, оставалось лишь гадать, потому что задавать вопросы на эту тему я, по неизвестной причине, опасалась. Непрошеное вторжение в личную жизнь. Но тут вдруг не выдержала и сказала:

– Папе привет.

– Непременно передам, – не оборачиваясь, съязвила Маринка.

Сказать, что я ревновала отца, было бы неправдой, и против Маринки как его подруги и даже, возможно, жены я ничего не имела. Беспокоило другое. Я знала: Владана она любит, а значит, выходило, что с отцом встречается с горя или из-за вполне понятного желания не быть одной. А мне, само собой, хотелось видеть рядом с папой женщину, для которой он самый главный человек на свете.

В общем, я тяжко вздохнула, глядя ей вслед. Владан успел принять душ и теперь готовил завтрак, неизменную яичницу и кашу. Попытки разнообразить репертуар энтузиазма у него не вызывали. Он поцеловал меня, взял бумажный стаканчик с кофе и сделал пару глотков, а я сказала:

– Нас ждет клиент, то есть клиентка.

– Красивая? – спросил Владан серьезно.

– Боюсь, немного не в твоем вкусе, – так же серьезно ответила я и заговорила совсем другим тоном: – Мне кажется, она из местных, пришла пешком, машины я не видела.

– Тогда это вряд ли клиентка. Местные наш гонорар не потянут, – усмехнулся он.

– Мне кажется, она рассчитывает на твою помощь. И очень взволнована.

– Перспектива не радует, – вновь усмехнулся он, раскладывая яичницу по тарелкам. – Предупреждаю сразу: бесплатно работать не буду, – взглянул он на меня исподлобья.

– А если…

– Не буду, – отрезал он. – Сколько раз повторять: я принципиальный лентяй, и заставить меня работать может только огромный гонорар. Скидок мы не делаем и благотворительностью не занимаемся. Неплохо бы сообщить об этом в письменной форме в доступном месте, можно прямо на двери, чтоб люди зря не надеялись.

На его слова я внимания не особо обращала. Может, ему и хотелось, чтобы другие считали его циничным типом, который работает исключительно за деньги. Но я-то знала: помогал он многим, и многие в Яме ему были благодарны. Оттого его авторитет здесь так высок, что я могла позволить себе ночную прогулку по местным переулкам без малейшего беспокойства о последствиях данного весьма неразумного шага.

– Ты завтракай, а я пока напою ее чаем, – сказала я. – Уж очень она волнуется.

– То есть ты завтракать не собираешься? Сядь и поешь, – перешел он на приказной тон. – Надеюсь, еще десять минут она подождать способна. А на нет и суда нет.

Надеется, что женщина не выдержит и уйдет? Этого я как раз и боялась. Если честно, в клиентах мы не особо нуждались, но женщина почему-то вызывала у меня беспокойство вкупе с неуемным желанием помочь, хотя я понятия не имела, в чем там дело.

Я решила не тратить время на болтовню и занялась завтраком. Владан, кстати, тоже ускорился.

– Посуду я потом вымою, – пискнула я, и, к моему облегчению, мы наконец отправились в офис.

Женщина нервно прохаживалась по узкому тротуару.

– Здравствуйте, – пролепетала она, когда мы приблизились.

Владан кивнул и направился к дверям офиса, достал ключи, потом распахнул дверь, вновь кивнул, предлагая женщине войти. В кабинете мы заняли свои привычные места, он за своим столом, я за своим, слева от него. Женщина опустилась на стул возле его стола. Кресло и диван она проигнорировала, хотя в кресле ей, безусловно, было бы удобнее.

– Может быть, чаю? – предложила я.

– Воды, если можно.

Я подала ей воды, она сделала несколько глотков, отставила стакан в сторону, а Владан тут же сказал:

– Слушаю вас.

– Я… – испуганно начала женщина и вдруг замолчала, Владан смотрел на нее исподлобья, и я решила: она сейчас сбежит. Я, скорее всего, именно так и поступила бы, доведись мне оказаться на ее месте.

– Вы не волнуйтесь, – вздохнула я. – Как вас зовут?

– Екатерина Юрьевна Данилова.

– А это…

– Я знаю. Вас здесь все знают, – добавила она.

– А пришли-то вы по какой нужде? – вздохнул Владан.

– Нам необходима ваша помощь, – выпалила Екатерина.

– Нам – это кому?

– Фонду «Жизнь без наркотиков». Возможно, вы о нас слышали?

Физиономию Марича при этих словах заметно перекосило, так что сомнений не было: он о Фонде слышал, а вот я, к стыду своему, нет. Хотя старалась быть в курсе того, что здесь происходит. И теперь гадала, что это за Фонд такой.

– В мае этого года, – внезапно воодушевясь, продолжила Екатерина, – убили нашего председателя и основателя Фонда Ольгу Михайловну Васину. Я уверена, вам об этом известно. – Владан кивнул. – Прошло несколько месяцев, а следствие до сих пор топчется на месте. Никто не арестован, убийцы разгуливают на свободе, и никому нет до этого дела. Мы не сомневаемся, что виновных так и не найдут, а дело закроют. Поэтому мы решили обратиться к вам.

– Боюсь, вы не по адресу, – хмуро сказал Владан.

– Почему? – растерялась женщина.

– Я подобными делами не занимаюсь. К тому же ваш Фонд мои расценки не потянет.

– Но… Владан Стефанович, вы живете в этом районе, и то, что здесь происходит, не может оставить вас равнодушным. Убийство Оли – чудовищное преступление.

– Согласен. Но это мало что меняет. Идет следствие, и, вполне возможно, убийцу найдут и отправят туда, где ему самое место.

– Этого не случится… Оля основала Фонд, чтобы помочь людям избавиться от наркозависимости. У нас есть успехи. Конечно, Оля нажила себе врагов. Она не боялась говорить правду о том, что происходит в городе. И о том, что правоохранительные органы покрывают торговцев наркотиками, тоже. И вы думаете, эти люди будут искать ее убийц? Мы уже отчаялись… – Она закрыла глаза ладонью, пытаясь сдержать слезы. – Знаете, она была очень чистым, светлым человеком. Мы так ее любили… И нам ее очень не хватает. Теперь мы по-настоящему понимаем, как много она делала. Замену ей найти невозможно. Мы будем продолжать ее дело, но это… это трудно. И… пока ее убийца на свободе… Ради бога, помогите нам.

Владан выслушал все это с показным равнодушием, которое меня здорово разозлило, а женщина, окончательно смешавшись, добавила:

– Конечно, наш Фонд совсем не богат, но у нас есть спонсоры, с одним из них я недавно говорила, и он сказал, что готов заплатить любые деньги, лишь бы убийца был найден.

– Вероятно, он имел смутное представление о том, сколько придется заплатить, – проворчал Владан. – В любом случае мы не ведем расследование параллельно со следственным комитетом.

– Можно тебя на минуточку? – поднимаясь, сказала я Маричу.

Он взглянул недовольно, однако последовал за мной, хотя и с заметной неохотой.

– Ты даже не знаешь, в чем дело, а уже отказываешь, – зашипела я, когда мы оказались на улице.

– Знаю, и очень хорошо. Потому и отказываю.

– Не желаешь связываться с местными наркобаронами? – в моем голосе, против воли, появились язвительные нотки.

– Не желаю, – кивнул Владан.

– Ты что, боишься? – растерялась я и тут же поняла: говорить этого уж точно не стоило. Но слово, как известно, не воробей…

– Ты меня на слабо берешь, что ли? – усмехнулся Марич и, развернувшись, пошел в кабинет.

Само собой, я припустилась следом, мысленно ругая себя на чем свет стоит. Владан сел на свое место и сказал женщине:

– Рассказывайте. – Достал монетку в один евро, которую всегда таскал в кармане, и принялся вертеть ее в руке.

– Рассказывать? Да, конечно, – заторопилась женщина. – Оля… ей постоянно угрожали. Все эти негодяи, что торгуют здесь отравой. Она ведь не только помогала тем, кто успел подсесть на эту дрянь, она била тревогу, постоянно обращаясь к властям, а в прошлом году даже к президенту. Вы, наверное, слышали.

– Даже видел, – кивнул Владан. – Ее обращение несколько раз показывали по телевизору.

– Вот именно. После этого грозить ей напрямую перестали, но вы же понимаете, что за люди занимаются сбытом наркотиков. Они стали давить на наших спонсоров, на тех, кто помогал нам… Нам даже пришлось переехать. Из-за того, что подняли аренду практически в два раза. Я разговаривала с хозяином помещения, и он честно признался: ему угрожали.

– Давайте перейдем к убийству, – когда вдруг возникла пауза, предложил Владан.

– Да… конечно. Мне очень трудно говорить об этом. Была суббота. У нас проходил благотворительный концерт. В Летнем кинотеатре, на Погодина. Оля неважно себя чувствовала и поехала домой. Она жила неподалеку от вас, улица Революции, 41. Дом небольшой, но двухэтажный, достался им от родителей. Им – это ей и брату. Олег на тринадцать лет моложе Оли. Они рано остались без отца, а потом и мать умерла, когда Оле было двадцать шесть, а Олегу тринадцать. Она практически заменила ему мать. Он хорошо учился, занимался спортом, ему прочили блестящую спортивную карьеру.

– Чем он занимался?

– Легкой атлетикой.

Я кивнула. В нашем городе много лет существует школа олимпийского резерва, и чемпионов там воспитали немало.

– В общем, все складывалось хорошо, пока однажды… Олег возвращался с тренировки, неподалеку от дома на него напали наркоманы. Отобрали мобильный и какую-то мелочь. Будь он другим человеком, отдал бы им все, что они хотели, но он… он стал сопротивляться. И его жестоко избили. Несколько дней в реанимации… жизнь ему спасли, но он стал инвалидом. До сих пор передвигается в инвалидной коляске. Оля всегда была человеком с активной гражданской позицией, а после этого случая… в общем, она организовала Фонд, потому что очень хорошо знала, какое это зло – наркотики. Олег ей во всем помогал, они продолжали жить вместе. Семью Оля так и не завела. Думаю, не хотела оставлять Олега, у мужчин она пользовалась успехом. Она была очень красивой, – давясь слезами, произнесла Екатерина и торопливо достала из сумочки фотографию. Положила ее перед Владаном. Он взглянул и передал ее мне. Я не назвала бы Ольгу красавицей, но глаза у нее были удивительные. На ум сразу пришли недавние слова Екатерины: «чистый, светлый человек». Девушка застенчиво улыбалась, глядя прямо в объектив. Волосы заплетены в косу, легкий макияж подчеркивал ее мягкость и нежность. Я невольно вздохнула.

– Сколько ей было лет?

– Через месяц исполнилось бы тридцать четыре.

«Господи, как несправедливо», – хотелось сказать мне, но я лишь кивнула, вернув фотографию.

– В общем, они жили с братом. Ее комната на втором этаже. Брат туда подняться не мог, лестница узкая, и оборудовать ее не получалось, а в инвалидной коляске… вы понимаете…

– Брат тоже был на благотворительном концерте?

– Конечно. Они приехали домой, Оля поднялась к себе, чтобы переодеться и принять душ, а Олег стал готовить ужин. Он старается помогать во всем сестре, и вообще… они оба очень стойкие люди… никогда не опускают руки. Я, наверное, сумбурно рассказываю? – испуганно спросила она.

– Продолжайте.

– Олег приготовил ужин, Оля так и не спустилась. Он начал беспокоиться. Слишком много времени прошло. Возможно, она прилегла и уснула. Она много работала и зачастую просто валилась с ног. Он ей позвонил, телефон оказался отключен. Олег подождал еще немного. Все это время он ее звал, надеясь, что она откликнется. Но потом стало ясно: происходит что-то странное. Не может она спать так крепко, что не слышит ни звонков, ни его криков. Он позвонил мне. Я приехала, но к тому моменту Олег уже выбрался на улицу и обратился за помощью к соседям. Сосед поднялся на второй этаж… Оля лежала на кровати, ее задушили. В комнате все перевернули вверх дном. Что-то искали. Когда я приехала, сосед успел вызвать полицию… – Она глубоко вздохнула, словно собираясь с силами. – Это ужасно. До сих пор не могу поверить.

– И брат ничего не слышал?

– Он был в наушниках. Слушал музыку.

– Вот как… Вы сказали, в комнате что-то искали. Деньги?

– Наверное. Оля пыталась бороться с местной мафией, и я подумала: вдруг у нее оказался какой-то компромат?

Владан пожал плечами.

– Но вы об этом не знали? У вас с ней были близкие отношения?

– Да, – кивнула Екатерина. – Но… Ольга была удивительно деликатным человеком. А еще она очень переживала за всех нас и не стала бы подвергать кого-то опасности.

– То есть, окажись у нее компромат, она бы вам о нем не сказала?

– Я не могу ответить категорично, но… такое возможно.

– А что по этому поводу думают следователи?

– Они считают, это было ограбление. Окно на втором этаже вскрыли и проникли в дом.

– В котором часу это произошло?

– Где-то в десять. В половине одиннадцатого Олег уже звонил мне…

– Поздновато для ужина.

– Они часто возвращались поздно. Следователи решили: грабители и не ожидали застать хозяев в доме.

– В такое время они вряд ли сидели без света…

– Да, свет горел. Но… если они знали о благотворительном концерте, то, скорее всего, были уверены, что Ольги дома нет, а инвалид им не помеха. Тем более что на второй этаж он не поднимется без посторонней помощи. Они имели возможность не торопясь все обыскать… и взять ценные вещи.

– А в доме были ценные вещи?

– Колечки, серьги, все недорогое… немного денег. Компьютер, планшет…

– Эти вещи исчезли из комнаты Ольги?

– Да. Наверное, поэтому следователи и решили… Но я в это не верю. Вещи забрали специально, чтобы запутать следствие. Там были не случайные грабители…

– Добавьте еще: они неплохо знали о порядках в доме, – сказал Владан.

При этих словах Екатерина нахмурилась, глядя на него с недоумением.

– Они знали, что парень не в состоянии подняться на второй этаж, и выбрали окно второго этажа, а не первого. А также, по вашим собственным словам, скорее всего, были осведомлены о благотворительном концерте.

– Что вы хотите сказать? – испуганно спросила Екатерина.

– Может, грабителей следует поискать среди ваших подопечных?

– То же самое мне сказал следователь, – усмехнулась она. – Но это неправда…

– Что неправда? – переспросил Владан.

– В правоохранительных органах готовы на что угодно, лишь бы не признать очевидный факт. Олю убили, это было преднамеренное убийство, и, разумеется, никто из наших не мог его совершить.

– Откуда такая уверенность? – поднял брови Владан, демонстрируя удивление.

– Вы не понимаете: ее все любили. И те, кому мы смогли помочь, были ей очень благодарны.

– Допустим. Но о порядках в доме убийцы все-таки знали. Кстати, вы все время говорите «они». Это установленный факт? Убийц было двое, трое?

– Я не знаю. Насколько мне известно, никаких следов не обнаружено. И это говорит о многом. Убийцы, один или несколько, хорошо подготовились. Это ли не доказательство моих слов? В дом забрались не наркоманы в поисках легкой добычи, это были профессионалы. Но версия ограбления всех устраивает. Случайный преступник, которого никогда не найдут…

– Вы говорили, что Ольге угрожали?

– Наверняка.

– Поясните.

– Я убеждена, угрозы были и в последнее время. Просто Оля молчала об этом. Берегла нас. До ее обращения к президенту нас просто терроризировали. Звонили, били стекла. Подстерегали наших ребят на улицах.

– Каких ребят? – не понял Владан.

– У нас проходила акция «Город без наркотиков». Наши ребята дежурили на улицах и обо всех подозрительных лицах сообщали в полицию.

– Вот оно что… В Яме ваши активисты тоже улицы патрулировали?

– Здесь – нет, – покачала головой женщина. – Вы лучше меня знаете, что это за район. После того, как президент узнал о том беспределе, что творится в городе, угрозы временно прекратились. Городская администрация даже предложила нам помощь. Мы получили помещение на Гражданской. Арендная плата была очень низкой. Но через полгода здание признали аварийным, нам пришлось вновь переезжать. Вся поддержка была лишь на словах, а на нас вновь стали давить. Теперь уже через наших спонсоров и партнеров. Впрочем, я уже говорила об этом.

– Но об угрозах в последнее время вам ничего не известно?

– Нет, – как мне показалось, с неохотой ответила Екатерина. – Я уверена, Оля просто не хотела нас расстраивать.

– Да, я понял. Вы сказали, среди ваших спонсоров есть человек, готовый оплатить мои услуги. Кто он?

– Малышев Евгений Сергеевич.

– Малышев? – переспросил Владан. – Фирма «Малком»?

Екатерина утвердительно кивнула.

– Он очень помогает нам. И очень ценил Олю. Для всех нас ее гибель невосполнимая утрата.

– Я бы хотел с ним встретиться.

– Я понимаю…

– И чем скорее, тем лучше.

– Я могу позвонить ему прямо сейчас, – предложила женщина с готовностью.

Владан кивнул, а она, набирая номер на мобильном, торопливо покинула кабинет, предпочтя разговор без свидетелей. Меня это скорее удивило, хотя ничего особенного в этом, конечно, не было.

Вернулась Екатерина быстро, я даже решила, что она не дозвонилась, но наша гостья заявила с порога:

– Он готов встретиться с вами сегодня. В 13:30, если вы не против.

– Я не против, – кивнул Владан.

– Вы… вы возьметесь за наше дело? – с легкой заминкой спросила она.

– Я отвечу вам после встречи с Малышевым.

– Понимаю.

– Оставьте свой телефон и адрес Фонда, – продолжил Владан. – У меня наверняка возникнут вопросы.

Женщина написала на листе бумаги номер мобильного и адрес, пододвинула его Маричу и нерешительно поднялась.

– Всего доброго, – убирая лист бумаги в ящик стола, сказал он.

Я решила ее проводить, мы вместе вышли на улицу.

– Как думаете, он возьмется за наше дело? – спросила она, уже простившись.

– Думаю, да.

– При условии, что Малышев заплатит?

– Он не любит работать бесплатно, но деньги для него не главное.

Она кивнула, вроде бы соглашаясь.

– О нем отзываются как о честном и порядочном человеке. А еще говорят, его невозможно запугать…

«Я бы даже сказала, многим приходится самим его бояться», – мысленно добавила я, но предпочла ограничиться кивком.

Владан, сидя за столом, продолжал вертеть в руках монетку, на меня взглянул с недовольством.

– Что ты ей сказала? В душе я добр и прекрасен, а главное, готов работать даром?

– Ничего подобного. Она назвала тебя честным и порядочным человеком, а я с этим согласилась.

Владан усмехнулся и убрал монетку в карман.

В час мы отправились к Малышеву и в 13:25 входили в его офис, солидное трехэтажное здание. Внизу нас встретила девушка, несколько суетливо представилась и повела к кабинету хозяина. Ничего о нем до этого дня я не слышала, но если он готов оплатить услуги Марича, значит, человек богатый.

За столом сидел мужчина лет сорока. Полноватый, лысеющий, невысокий. Он поднялся нам навстречу, и я мысленно присвистнула. Костюм на нем был итальянский, а на ногах кеды. Так сказать, вполне легальный революционный порыв. Владан кеды, конечно, тоже заметил и усмехнулся краешком губ. Кстати, мой возлюбленный костюмы предпочитал английские, хотя и не особо их жаловал, но на подобные встречи являлся в них. В отличие от Малышева, костюм сидел на нем отлично, и вообще выглядел Владан на пять с плюсом: высокий, с великолепной фигурой… Костюм делал его респектабельным. Кое-кто утверждал, что Марич похож на громилу из подворотни (разумеется, в те моменты, когда его английские костюмы оставались висеть в шкафу), но я с этим не согласна. Яркая синь его глаз в сочетании с совершенно седыми волосами и мягкой смуглостью кожи делала его настоящим красавцем.

Как это часто бывало, Малышев в его присутствии почувствовал неуверенность, которую попытался компенсировать широкой улыбкой.

– Рад знакомству, Владан Стефанович, – приветствовал он Марича, пожал его руку и повернулся ко мне.

– Полина, – представилась я.

Мою руку он тоже пожал, но очень осторожно, точно боялся, что она отвалится.

– Вашему шефу повезло. Такая красавица в помощницах.

«Мог бы обойтись без этих глупостей», – подумала я, а вслух сказала:

– Я еще кофе умею заваривать.

Малышев хихикнул, толком не зная, как отнестись к моим словам, а Владан мне подмигнул. Мы наконец устроились в креслах, Малышев сцепил руки замком, вытянув их на столе, и заговорил, глядя куда-то вбок.

– Значит, Екатерина Юрьевна обратилась к вам, – с воодушевлением заговорил он. – Вы знакомы? Я имею в виду, вы были знакомы раньше?

– Нет, – ответил Марич. Его страсть к односложным ответам очень часто создавала у собеседника трудности в разговоре. Вот и сейчас Евгений Сергеевич замолчал и, казалось, мучительно придумывал, о чем бы еще спросить.

– Тогда ее выбор – неожиданность для меня.

– Почему?

– Ну… после ее звонка я, признаться, навел о вас справки, что вполне естественно. Вы ведь не станете с этим спорить?

– Я вообще спорить не люблю. К тому же вы правы, следует знать, кому ты собираешься платить деньги.

– Вот о деньгах я и хотел поговорить, – вроде бы обрадовался Евгений Сергеевич. – Когда у Екатерины Юрьевны возникла идея обратиться к частному детективу, я пообещал оплатить услуги. Но я был уверен, в общем, я не рассчитывал, что гонорар будет так высок. Поймите меня правильно…

– Я понимаю, – кивнул Владан.

А я, не удержавшись, вздохнула. Сейчас он поднимется и уйдет. И возразить мне будет нечего. Но Владан, к моему удивлению, уходить не спешил. Вытянул длинные ноги, устраиваясь с удобством, и спросил:

– Как давно вы знали Ольгу Васину?

– Ольгу? – переспросил Малышев. – Дайте подумать… Года два. Да. Два года. Честно говоря, я уже не помню, кто нас познакомил. Кажется, Ефимов… хотя нет… Это я подтянул Ефимова. Хороший мужик, деньгами не разбрасывается, но на стоящее дело не скупится.

– А Фонд – дело стоящее?

– Ну… кто-то ведь должен этим заниматься. Сейчас черт знает что творится… наркотики даже в школах продают. У меня двое детей, и я боюсь за них, как любой нормальный отец. Ну, и в меру сил я охотно помогал Фонду.

– А помимо Фонда вы с Ольгой встречались?

Малышев откинулся на спинку кресла, пожал плечами.

– Пару раз я приглашал ее на обед. Ольга мне нравилась, она очень хороший человек. Все, кто ее знал, это подтвердят. Ну, и мне хотелось сделать ей приятное. Я имею в виду… необязательно всегда говорить о проблемах. Хотя во время наших встреч мы все равно о них говорили, – усмехнулся он и тут же посерьезнел. – Ее гибель – огромная потеря, как в личном смысле, так и в общественном. Брат Ольги и Екатерина Юрьевна пытаются продолжать ее дело, но… боюсь, их организаторские способности невелики. К тому же Олег – инвалид и сам нуждается в помощи. А Катя – отличный исполнитель, и только…

– То есть вы считаете, Фонд недолго протянет?

– Надеюсь, что я ошибаюсь, однако…

– Возможно, этого убийца и добивался? – не дал ему договорить Владан. Малышев вновь пожал плечами.

– Мне трудно судить. Но такая вероятность существует. У следователя, правда, своя версия. Гибель Ольги – случайность. Какие-то типы влезли в дом… впрочем, Екатерина Юрьевна наверняка вам все рассказала.

– А вы с версией следствия не согласны?

– Почему же… На самом деле я просто не знаю, что думать. Я хорошо относился к Ольге, ее гибель потрясла меня… Поэтому, когда Екатерина Юрьевна предложила обратиться к частному детективу, я согласился. Прошло несколько месяцев, убийца не найден, возможно, она права и дело это действительно спустили на тормозах…

– Довольно странно, вы не находите? – сказал Владан.

– Вы имеете в виду ее обращение к президенту? Учитывая, сколько людей к нему обращается, сомнительно, что он всех помнит. А ее настойчивость многим была не по душе. Я уж молчу о полиции. Мне кажется, у их начальства при упоминании Ольгиного имени начинался нервный тик…

– Иными словами, ее смерть вызвала у них вздох облегчения?

– Я этого не говорил, – выставил ладонь вперед Малышев. – У меня нет повода кого-то в чем-то обвинять. Если следователи остановились на версии ограбления, значит, для этого наверняка имелся серьезный повод. Поначалу все решили – это заказное убийство. Следователи были у меня, разговаривали с другими спонсорами, допросили всех сотрудников Фонда. По-видимому, зацепок не было. В общем, я не знаю, что и думать, если честно. Разумеется, профессиональная деятельность Ольги тут же приходит на ум, но и ограбление… У района, где она жила, на редкость дурная слава. Не понимаю, почему она оттуда не уехала, – горестно покачал он головой.

– Что ж, – кивнул Владан, – спасибо, что уделили нам время.

– Прошу прощения, что, так сказать, напрасно вас побеспокоили… – начал Малышев, приподнимаясь, но тут же плюхнулся назад в кресло, потому что Владан произнес:

– Не напрасно. Гонорар будет чисто символическим. Я уверен, вы его потянете.

Марич взял со стола лист бумаги, карандаш, написал несколько цифр и подтолкнул листок в сторону Малышева. Лист скользнул по столу и замер прямо возле его ладони. Взглянув на цифру, Евгений Сергеевич кивнул, после чего в замешательстве уставился на Владана.

– Почему вы приняли такое решение, я могу узнать? – спросил он.

– Скажем так: мне небезразлично, что происходит в этом городе. По крайней мере, Екатерине Юрьевне удалось меня в этом убедить. Я пришлю вам договор и номер счета, – поднимаясь, заявил Владан.

Малышев в легком обалдении проводил нас до дверей. Надо полагать, я выглядела ничуть не лучше, если не хуже, – поступок Марича меня прямо-таки потряс, оттого, как только мы оказались на улице, я полезла с вопросами.

– Почему ты согласился?

– А не надо было?

– Я-то думала, мы приехали сюда, чтобы заставить Малышева раскошелиться.

– Деньги – прежде всего, – кивнул Владан.

– Ага. И, не получив их, ты с радостью должен был сбежать.

– Думаешь?

– Ты всячески отлыниваешь от работы. И никогда не работаешь даром.

– Кое-какие деньги нам все же причитаются.

– Уверена, ты бы без них обошелся.

– Курочка по зернышку… – философски заявил он.

– Марич, объясни, что происходит.

– Ты же слышала, – распахивая передо мной дверь машины, сказал он.

– Насчет гражданского долга? Издеваешься?

– В душе я патриот.

– Но запросто выставил бы Екатерину за дверь.

– Полина, ты зануда. Не соглашаюсь – ворчишь, согласился – вопросами задолбаешь. Ты хочешь найти убийцу этой самой Ольги?

– Хочу, – растерянно кивнула я.

– Ну так давай поищем.

Машина тронулась, мне, как выяснилось, на месте тоже не сиделось.

– Может, мне это снится? – сказала я.

– Проверим? – Владан притормозил и стал меня целовать. – Ну как?

– Смотря что ты имеешь в виду, – хихикнула я. – Если поцелуй, то мне понравилось, требую продолжения. А вероятность того, что мне все это просто снится, заметно увеличилась.

– Ты точно зануда, – кивнул Марич, вновь трогаясь с места.

– Так почему ты вдруг изменил решение? Скажи по-хорошему, я же все равно не отстану, – взмолилась я.

– Хочу сделать приятное любимой девушке. Она у меня с придурью, нет бы отдых на Мальдивах пожелать, нет, ей подавай расследование. Да еще на редкость мутного дела.

– Почему мутного? – насторожилась я.

– Потому. Концы с концами не сходятся.

– Что не сходится?

– Все. Терпеть не могу, когда мне морочат голову.

– Ты считаешь, Малышеву есть что скрывать? – озарило меня. – Он был согласен на детектива, но когда выяснил, кто будет этот детектив…

– Необязательно. Мог просто денег пожалеть. Но ты права: к парню есть вопросы. Сомневаюсь, что их с убитой связывали лишь деловые отношения.

– Я тоже заметила, что он напрягся, когда ты спросил о личных встречах… Думаешь, они были любовниками?

– Может, и были. Одно ясно уже сейчас: в этой истории не все так просто.

«Может, зря мы лезем во все это?» – с опозданием подумала я, вдруг почувствовав беспокойство.

– А сейчас, если не возражаешь, поехали обедать.

Я не возражала, но тут выяснилось, что наши планы все же различались.

– Давай заедем в супермаркет, хочу приготовить одно блюдо…

– Приглашаю тебя в ресторан, – сказал Владан, не оценив мой порыв.

– А что нам мешает пообедать дома? – вздохнула я, впрочем, понятие «дом» тоже нуждалось в уточнении. Где он, этот самый дом? В квартире Владана, в моей квартире? И есть ли он вообще? Наш дом, я имею в виду.

– Женщина у плиты – пережиток темных времен, – засмеялся Владан.

– Глупости. Мои кулинарные способности, возможно, оставляют желать лучшего, но я стараюсь. И мне приятно готовить для тебя.

– Ты – гений кулинарии, – продолжил веселиться он. – Если хочешь, поедем домой. Я просто намеревался облегчить тебе жизнь.

Настояв на своем, особой радости я не испытала. Даже наоборот. Подумала, может, в самом деле лучше было бы отправиться в ресторан? Вдруг ему моя стряпня не нравится?

Однако отступать поздно. Мы поехали в супермаркет, а потом к Владану. О моей квартире вопрос даже не возник. Это почему-то тоже расстроило. Владан завалился с книжкой на диван, на этот раз отдав предпочтение Куперу. Тот факт, что Марич читает детские книжки,

поначалу забавлял, пока я не поняла: его собственная жизнь была настолько трагичной и сложной, что он находил удовольствие лишь в понятных и простых вещах…

– Тебе помочь? – крикнул он из комнаты через какое-то время.

– Ты по мне скучаешь или просто очень есть хочешь? – ответила я.

– Меня мучает совесть. Мир на пороге тотальной толерантности, а у нас сплошной патриархат.

– Ничего не имею против. Но за предложение помочь – спасибо. Я ценю. Ты редкий мужчина…

– Вот это верно.

Я засмеялась, при этом пытаясь найти разделочную доску. У меня в хозяйстве их было пять, у Владана одна, да и та успела треснуть посередине.

– Нам нужно кое-что купить, – сказала я. – Тут нет самого необходимого…

– Поэтому я и предложил ресторан.

– Не можем же мы всегда питаться в ресторане.

Он ничего не ответил, а мне вдруг стало так тошно, что я едва не заревела. Пожалуй, «всегда» не совсем уместное слово, то есть Владан мог так решить. Сейчас я похожа на девицу, которая «бежит впереди паровоза», есть такое выражение, означает «опережать события». В данном случае тороплюсь обустроить наш быт. Еще немного, и речь зайдет о детской, переезде в другой район, поближе к парку… Вот только вопрос: совпадают ли наши планы? Или меня Марич вовсе не рассматривает как величину постоянную, оттого всячески увиливает от совместного ведения хозяйства?

Я и вправду едва не заревела, но вовремя напомнила себе: человек – кузнец своего счастья. И несчастья тоже. Чем я сейчас занимаюсь, помимо готовки? Правильно, порчу себе жизнь. Он в соседней комнате, я могу в любой момент его поцеловать. Это ли не счастье? И о том, что будет завтра… «Завтра и подумаем», – оптимистично решила я.

Взгляд мой упал за окно, и неожиданно кое-что привлекло мое внимание. Точнее, кое-кто. В глубине подворотни стоял мужчина, привалившись плечом к стене, стараясь не привлекать к себе внимания. Я попыталась понять, что он там делает, любопытство извинительное, а в этом районе скорее даже необходимое.

Я подошла к окну и пригляделась повнимательнее. Мужчина снял кепку и вытер лоб тыльной стороной ладони. Между тем на улице прохладно, а одет он в ветровку. С чего бы ему так потеть? От волнения? Или от беспокойства? Не на любовное же свидание он собрался? В этот момент он повернулся, еще не успев надеть кепку, и я его узнала. Отец Джульетты. Так и есть. Так что ему здесь понадобилось? Из подворотни наш офис как на ладони, в общем, ответ напрашивался сам.

– Владан, – позвала я, не отходя от окна. Он подошел и встал рядом. – Посмотри. – Я кивком указала на подворотню.

– Думаешь, мы успели кого-то заинтересовать? – усмехнулся Марич.

– Это отец Джульетты. Той девочки, помнишь? Я думаю, он хочет поговорить с тобой, только не решается. Может, мне сходить за ним?

– Может, нам пора благотворительный фонд создать? – съязвил он. – Будем работать на общественных началах.

– Но мы ведь в состоянии его выслушать?

– В состоянии. Но пока он молчит и прячется в подворотне. Кстати, что с обедом?

– У меня все готово, – заверила я.

Мы сели обедать, но меня так и тянуло к окну. Через двадцать минут я убедилась: мужчина из подворотни исчез. Возле нашего офиса его тоже не было.

– Он ушел, – сказала я.

– Молодец, порадовал.

– Владан, человек нуждается в помощи. Его дочь погибла. Говорят, ей подсунули какую-то дрянь.

– И что? Я должен найти злодея? Их здесь немерено, на смену одному тут же явится десяток новых. Давай лучше старушек через дорогу переводить? Это не так затратно и менее обременительно.

– Обещай мне, если он опять появится, ты его выслушаешь, – попросила я.

– Непременно. Я даже дам ему дельный совет.

– Лучше смотреть за детьми?

– Можно пойти дальше и вообще их не заводить.

– В этом случае человечество перестанет существовать, – вздохнула я.

– Господу от этого одно облегчение.

– Ты ведь так не думаешь всерьез? – вышло жалобно, и я тут же прикусила язык. Ну почему я веду себя как последняя дура? Мы вместе совсем ничего, а я лезу с вопросами о детях, точно уже рожать собралась. Но ведь естественно думать об этом, если мы любим друг друга.

– Ты хочешь ребенка? – спросил Владан, в упор взглянув на меня.

– Да, – сглотнув, кивнула я. – Не сию минуту, само собой. Но хочу. А ты нет?

– Помнится, в детстве я был редким паршивцем. Бедные мои родители. Как только что выяснилось, с девчонками тоже сплошные проблемы. – Тут он засмеялся, а я вздохнула с облегчением.

Когда с обедом мы закончили, Владан сказал, что ему надо встретиться с одним человеком.

– Мне с тобой нельзя? – спросила я.

– Нет. Хочу узнать, как далеко конкуренты продвинулись в расследовании.

Поцеловав меня, Марич, прихватив куртку с вешалки, покинул квартиру. А я стала мыть посуду. Само собой, посудомоечной машины у него нет. Впрочем, как и гарнитура. Разномастные шкафы выглядели так, точно их подобрали на помойке. В квартире неплохо бы сделать ремонт, купить кухонный гарнитур… Ладно, матрас поменяли, вот и радуйся. Яма – место для жизни совсем неподходящее, тут не ремонт делать надо, а бежать отсюда со всех ног. Владан здесь вырос, это его район, и его работа тоже здесь. Офис, я имею в виду. Хотя ничто не мешает переехать в более подходящее место. Ага, и работу можно сменить. У папы место для Марича найдется. Тем более что он уже работал начальником охраны крупной фирмы. Правда, по его словам, долго не выдержал. А я стану домохозяйкой… Или тоже к папе работать пойду. И заживем как люди. Только это все не про Владана. Он на это никогда не согласится. А если вдруг согласится… это будет уже не Марич, а кто-то другой. Ничего себе перспектива…

Чтобы избавиться от невеселых мыслей, я, закончив с посудой, отправилась к Тамаре. Народу в баре в это время немного, в настоящий момент только трое мужчин пили пиво за столиком в углу. Тамара, опершись на стойку, лениво листала журнал.

– Что пишут? – спросила я, устраиваясь напротив.

– Фигню всякую, знамо дело. Кто-то журнал оставил, не пропадать же добру. Кофе будешь?

Я кивнула и вскоре получила чашку кофе.

– Что-то ты невеселая, – приглядываясь ко мне, заявила Тамара. – Вроде матрас новый купили, а у тебя в глазах печаль.

– Дался вам наш матрас, – проворчала я. – В глазах у меня печать совсем по другому поводу. У нас новое дело… сложное.

– Ну, других-то у вас не бывает, – кивнула Тамара и перешла на шепот. – Что за дело?

– Вы об убийстве Ольги Васиной слышали?

– Что за Васина такая?

– Фонд «Жизнь без наркотиков». Она здесь, в Яме, жила.

– Это которую в собственном доме задушили?

– Ага.

– А Владану что за резон в это дело лезть?

– Что значит – лезть? Появился клиент.

– Это кто ж такой? Брат ее, что ли? Или баба, что возле офиса терлась? Точно, баба… – глядя на меня, кивнула Тамара. – И Владан согласился? Не иначе как ты в уши надула.

– Да с чего вы взяли? – возмутилась я, чувствуя, как краснею.

– С того. Какого лешего Владану с наркотой связываться? Дураку ясно, за что бабу порешили. Пусть менты разбираются, а Владану это совершенно ни к чему.

– Убийство произошло в нашем районе, – начала я, но тут же сникла, сообразив, что мои слова на Тамару должного впечатления не произведут. – Если ни во что не вмешиваться, то бог знает до чего может дойти, – пробормотала я, теряя остатки уверенности.

– Ага, – кивнула Тамара, – я тут по телевизору передачу смотрела. В Крыму змей истребили, так грызуны замучили. Жрут посевы, просто беда. Пришлось змей завозить, теперь они вовсю ползают, народ ходить боится…

– Это вы к чему? – нахмурилась я.

– Это я к тому, что не фиг лезть. Уяснила? Вот хоть режь меня, ни за что не поверю, что Владан сам до такого додумался.

– Мы расследуем убийство, может, с наркотиками оно и не связано. У полицейских вообще версия, что в доме были грабители…

– Полицейские, как видно, поумнее будут. Куда не надо не лезут. Полина, отговори Владана от этого дела. У него и так врагов как грязи по осени.

– Боюсь, что уже поздно, – сказала я с печалью, мысленно ругая себя на чем свет стоит: и чего, в самом деле, сунулась. Отговорить его теперь возможным точно не представлялось.

– А ты попробуй. Матрас-то не зря покупали, – добавила она, а я закатила глаза. И решила сменить тему.

– Я сегодня мужчину заметила, похож на отца Джульетты. Стоял в подворотне, напротив нашего офиса.

– Точно он?

– Похож.

– Странно, что ему здесь понадобилось?

– Вот и я думаю, что?

– Он мужик с характером. А вот дочку, видишь, просмотрел. Да и разве уследишь? Только на что вы ему понадобились? – нахмурилась она. – Узнать, кто девке дурь продал? Так Владана беспокоить без надобности. У нас здесь все на виду. Любой нарик расскажет, кто девку жизни лишил.

– Может, его интересует, кто за всем этим стоит?

– Колумбиец, кто ж еще! Нет, глупости это, обозналась ты.

Я-то знала, что не обозналась, но спорить не стала. Однако разговор продолжила и получила массу сведений о семье Джульетты. Жаль, не знала, что мне с этими сведениями делать. Посетители в баре начали прибывать, беседу Тамаре пришлось прекратить.

Бросив взгляд в окно, я увидела, что возле офиса тормозит джип Владана, и вышла из кафе.

– Я на пять минут, – сказал он, заметив меня. – Пока я беседую с хорошими людьми, собери сведения об этом Фонде. Ну и о фирме Малышева.

Я кивнула, подумав при этом: «Могла бы и сама догадаться».

Мы вместе вошли в офис, но задержался здесь Владан недолго, что-то посмотрел в интернете и направился к дверям. Однако траекторию сменил и оказался возле моего стола. Я к тому моменту успела найти сайт Фонда.

– Что-то хотел сказать, из головы вылетело, – нахмурился Владан.

– Вспоминай.

– Как отрезало.

– Посмотреть, что есть на Екатерину? – подсказала я.

– Вряд ли.

Он продолжал хмуриться, а в глазах плескался смех. Тут до меня с опозданием дошло: Владан дурака валяет.

– Ты вроде на память не жаловался?

– Старею, наверное, – усмехнулся он. Сделал пару шагов, повернулся и сказал: – Вспомнил. Ты самая красивая девушка в мире.

– На бумажке запиши, вдруг опять забудешь, – съязвила я.

– Запишу. Золотыми буквами на серебряной пластине.

– Звучит издевательски.

– На тебя не угодишь. Кстати, я тебя люблю, – взявшись за дверную ручку, сказал он.

– Гад.

– В смысле?

– Ты бы мог меня поцеловать, а не бежать сломя голову.

– Поцелую, когда вернусь.

– Я тебя люблю, – сказала я ему вдогонку.

Плохого настроения как не бывало, вместе с ним растворилось и беспокойство. Абсолютно счастливая, я приступила к работе. Итогом стала стопка листов А4, которую я положила на стол Владана. Тут, кстати, и он вернулся.

– Как прошла встреча? – спросила я.

– Нормально.

Он устроился за столом, а я пояснила, кивнув на бумаги:

– Верхняя пачка – Фонд, далее – фирма Малышева. Катерину я тоже проверила, но о ней сведений почти нет. В ее «Фейсбуке» только новости Фонда и ничего личного.

– Похоже, с личным у нее проблемы, – кивнул Владан.

– Жаль, если так. Мне она понравилась.

Владан стал просматривать бумаги, а я решила еще кое-что проверить. Наконец он отложил бумаги в сторону.

– Что ты узнал? – поспешила я задать вопрос.

– Екатерина права, особо следователи не продвинулись. Подозреваемых как не было, так и нет. В том, что мотивом убийства явилась ее профессиональная деятельность, то есть этот самый Фонд, они с самого начала сомневались.

– Как же так? – нахмурилась я. – Ведь это очевидно.

– Выходит, что нет. По мнению знающего человека, убивать Ольгу смысла не было. Прежде всего потому, что никакой угрозы Фонд для наркоторговцев не представлял. Если поначалу какая-то борьба с наркоманией и была заявлена, то сейчас это скорее клуб по интересам. В тесной связке с городской администрацией Фонд занимается организацией досуга, так сказать, в профилактических целях. Говоря попросту, молодым людям вместо того, чтобы по улицам шляться, предлагают занятия по душе.

– Тоже неплохо, – пожала я плечами.

– Согласен. Но за это не убивают.

– И к чему склоняются следователи? Грабители не ожидали застать хозяйку дома?

– Вполне подходящая версия, учитывая дурную славу нашего района. Но есть одно «но». Ни в комнате, ни на окне, которое вскрыли, не обнаружено ни одного отпечатка пальцев.

– И что тут необычного? Грабители были в перчатках. Сейчас об отпечатках пальцев даже детям известно.

– Сомневаюсь, что наркоманы стали бы особо париться по этому поводу. Об отпечатках пальцев подумает убийца, а не обдолбанные придурки, которые лезут в дом, чтобы стянуть что-нибудь на дозу.

– Значит, все тщательно вытерли уже после убийства. Поняли, что натворили, испугались и поспешили уничтожить все следы.

– На это нужно время. А внизу был брат. Допустим, они в курсе, что он не поднимается на второй этаж, но вызвать полицию, заподозрив неладное, он вполне мог. Под окном тоже ни одного четкого отпечатка. Собака след не взяла.

– Ты хочешь сказать, убийство было тщательно спланировано?

Владан кивнул:

– Похоже на то.

– Но… тогда следует подумать, кому мешала Ольга. Тем более если профессиональная деятельность не являлась поводом для убийства.

– В таких случаях надо искать деньги, – продолжил Владан. – Но Фонд после гибели Ольги дышит на ладан, больших денег там нет. Брат – инвалид, и от ее смерти куда больше потерял, чем выиграл. Ольга пыталась сопротивляться, на руках синяки, но под ногтями ничего.

– А должно бы, если она сопротивлялась, – кивнула я. – Еще один повод решить, что убийцы хорошо подготовились.

– Убийца, – поправил Владан. – Нет никаких оснований утверждать, что их было двое.

– Значит, мы имеем дело с хорошо спланированным убийством, которое не связано с работой Фонда.

– Это утверждение все же не мешает проверить. Поэтому давай-ка прокатимся в одно малосимпатичное место. Я бы предпочел ехать один, но, хорошо зная тебя…

– Я поеду с тобой, – закончила я, а он поднялся из-за стола.

В машине я таки проявила интерес и спросила:

– Куда мы едем?

– В ночной клуб «Огни». Время раннее, но хозяина клуба мы, надеюсь, застанем.

– А кто хозяин? – Хоть я и старалась быть в курсе здешних реалий, но многого, к сожалению, не знала.

– Петряков Сергей Андреевич.

– Колумбиец? – переспросила я, а Владан кивнул.

О Колумбийце я, само собой, не только слышала, но даже успела с ним познакомиться. Как-то он явился в наш офис за помощью, хотел, чтобы Владан разыскал киллера, охотившегося за его людьми. Но Владан ему отказал, правда, киллера все равно поймал[1], так что не ясно, как встретит нас Петряков, но почему-то восторженного приема я не ждала.

– Зачем нам Колумбиец? – сказала я. – Ты ведь не надеешься, что он признается в убийстве Ольги, если в самом деле к нему причастен?

– Как знать, – усмехнулся Владан.

Я решила больше с вопросами не лезть. Не то чтобы предстоящая встреча меня пугала, но беспокоила совершенно точно. Владан из тех людей, с кем местные бандиты не вступят в конфликт, трижды хорошо не подумав. И все же… У Колумбийца слава жестокого и скорого на расправу парня. Говорят, он умудрился побывать в колумбийской тюрьме, откуда, собственно, и прозвище. Хотя кличку мог получить и потому, что по всем статьям считался наркобароном. Врагов у него немало, но и связи, судя по всему, имеются. Я уже не говорю про деньги. Что и позволяло ему до сих пор наслаждаться свободой, хотя по ту сторону тюремной ограды его явно заждались.

[1] Эта история рассказана в романе Татьяны Поляковой «Сыщик моей мечты».

Намерения Владана были не совсем понятны. Ясно, что на дружескую беседу он не рассчитывал, и каяться в своих грехах Колумбиец уж точно не будет. Значит, Владан, скорее всего, намерен сообщить, что готов заняться этим делом, тем самым вынудив Петрякова действовать. Не мне учить Марича, как поступать в таких случаях, но идея лезть на рожон не самая лучшая. Впрочем, Колумбиец о нашем участии и без того скоро узнает, так что по большому счету ничего мы не теряем.

Пока я размышляла об этом, мы успели подъехать к двухэтажному зданию, фасад которого украшало гигантское граффити: огни большого города. Угадывался Большой мост и Патриаршие сады. Было еще светло, и граффити я хорошо рассмотрела, пока мы шли от парковки к дверям заведения. Дверь оказалась заперта. Владан бухнул кулаком пару раз, после чего ожило переговорное устройство, скрытое от глаз, и мужской голос сурово поинтересовался:

– Чего надо?

– Колумбиец здесь?

– А кто его спрашивает?

– Давний приятель.

Я не сомневалась, где-то здесь есть камера, за нами наблюдают, и Владана охранник, безусловно, узнал, в этом районе его знают все. Тут вышла заминка, то ли охранник с кем-то совещался, то ли просто гадал, как поступить. Вдруг дверь распахнулась, и я увидела парня лет двадцати пяти, с такими накачанными ручищами, что, казалось, он в любой момент способен подняться к облакам, точно воздушный шарик.

– Чего надо? – повторил он вопрос, загораживая проход.

– Ты что, глухой? – рявкнул Владан, вмиг обретя черты скорого на расправу вахмистра казачьей сотни.

– Зачем тебе Колумбиец?

– На спрос. А кто без дела спрашивает, у того бывают переломы.

– А я думал, ты свою девку привел, – хмыкнул парень, переводя взгляд на меня. – Нам бы такая пригодилась.

«Дурак», – подумала я, а Владан спросил:

– Правда? Ты в какую больницу собрался? Заскочу навестить.

Охранник хотел что-то ответить, но не успел. Владан въехал ему кулаком в ухо, и тот грохнулся на пол. Звук вышел очень громким. Не удивительно, что тут же появились еще охранники, на сей раз двое. Однако в бой вступать не спешили.

– Что за дела, Серб? – спросил тот, что постарше, ворчливо, но без угрозы в голосе.

– Если вы про парня, то он неловко на кулак налетел.

– Бывает, – сказал второй, помогая бедолаге подняться.

– Мне нужен Колумбиец. Надо поговорить.

– Его здесь нет. Может, будет позже. А может, только завтра. Если решит встретиться, он тебе позвонит.

– Я готов ждать всю жизнь, но лучше ему не затягивать.

Владан взял меня за локоть, и мы вернулись к машине. Подъезжая к офису, я обратила внимание на старенькую «Хонду», которая пристроилась за нами.

Разглядеть водителя толком не удалось. Волосы у него были обесцвечены, из-за чего я поначалу приняла его за девушку и должного внимания «Хонде» не уделила. Владан пару раз задержал взгляд на зеркале заднего вида, и я спросила:

– «Хонда»? – Он кивнул.

Машина проследовала за нами до офиса и скрылась за поворотом.

Минут через пять, уже находясь в кабинете и подойдя к окну, я вновь обратила внимание на «Хонду», она замерла на углу дальше по улице. Разглядеть водителя по-прежнему возмож-

ным не представлялось, но теперь я не сомневалась: это по наши души. С того места, где сейчас находится машина, вход в офис отлично виден.

– Что нового в мире? – кивнув в сторону окна, спросил Владан.

– «Хонда» вернулась. Стоит на углу.

– Пусть стоит, – отмахнулся он.

– Как думаешь, кого мы успели заинтересовать? Колумбиец послал ребят присмотреть за нами?

Владан пожал плечами.

– Возможно. Хотя проще было встретиться.

– Катерине я позвонила, сообщила о нашем решении. Кстати, нам не пора навестить Ольгиного брата?

– Не к спеху, – ответил Владан. – Завтра заглянем в Фонд. Посмотрим, что это за лавочка. Ну и парня послушаем.

– О делах сестры он наверняка осведомлен лучше других.

Марич кивнул, то ли соглашаясь, то ли просто не желая продолжать разговор, и вновь стал просматривать подготовленные мною бумаги.

– На брата есть что-нибудь? – спросил он через некоторое время.

– В желтой папке. Там в основном о его спортивных достижениях и короткая заметка о нападении.

Я устроилась за компьютером, решив заняться личностью Малышева. Писали о нем много, а вот в соцсетях он не особо светился. «Инстаграм» был, но о семье и прочем он предпочитал помалкивать и сообщал в основном о новостях бизнеса. Ничего интересного.

– Ты обратил внимание, Малышев в том числе занимается доставкой грузов.

– Да? – поднял голову Владан.

– Это может быть важным? – полезла я с вопросом, уловив в слове «да» заинтересованность.

– Пока не знаю. Чем больше у нас будет сведений о нем, тем лучше.

Я приступила к просмотру статей с удвоенным рвением. Где-то через час позвонил папа. Поговорив с ним, я отложила мобильный в сторону и сказала Владану:

– Тебе привет.

Он кивнул, но мыслями, похоже, был где-то далеко. Сидел, глядя перед собой, и вертел монетку в руке. Верный признак того, что погружен в раздумья.

– Папа приглашает нас завтра на ужин, – добавила я. Он вновь кивнул. – Я сказала, что мы приедем часам к семи. – Очередной кивок. – Может, ты что-нибудь скажешь? – начала злиться я.

Владан повернулся, глядя на меня с недоумением.

– Ты слышал, что я тебе сказала? – с обидой спросила я.

– Насчет ужина?

– Вот именно.

– Разумеется, слышал.

Кажется, я забыла о его способности делать пять дел одновременно.

– Извини, что помешала, – сказала покаянно.

– Чему мешать-то, – усмехнулся он, убирая монетку и поднимаясь из-за стола.

– Куда идем? – насторожилась я.

– В кино.

– В кино? С какой стати? Я хотела сказать: с чего это вдруг тебя потянуло к кинематографу?

– В «Иллюзионе» сегодня «Рокко и его братья». Отличный фильм. С молодым Аленом Делоном. Тебе понравится.

– Марич, твоя девушка неплохо образована. Режиссер фильма – Лукино Висконти, а музыку написал Нино Рота, и я смотрела этот фильм три раза.

– И тебе не понравилось?

– Понравилось. С какой такой стати я стала бы смотреть его три раза?

– Значит, посмотришь в четвертый.

И мы отправились в «Иллюзион». Этот кинотеатр в стиле сталинского ампира находится на площади Победы, и там до сих пор крутят старые фильмы. Однако внезапный интерес Владана к кинематографу вызвал подозрения. Я была уверена: в кинотеатр мы отправились не просто так, и теперь гадала, что там понадобилось Маричу.

Желающих посмотреть этот фильм оказалось предостаточно. Нас ждал сюрприз: оказывается, перед сеансом в холле давали небольшой концерт. Дама в вечернем платье пела под аккомпанемент фортепиано. Слегка обалдев от этого, я нашла свободное местечко, начисто забыв о намерении купить попкорн, и слушала открыв рот. Пела она великолепно. Репертуар состоял из ретропесен. Где-то на четвертой я вспомнила про Владана и начала вертеть головой. Его нигде не было. Забеспокоившись, я принялась кружить по холлу, пока не обнаружила его за своей спиной. То есть справедливости ради стоит сказать: это он меня обнаружил. Тихо свистнул, я оглянулась и увидела, что он стоит, привалившись плечом к колонне. Я могла поклясться: минуту назад его там точно не было. Я подошла, а он сунул мне в руки коробку с попкорном.

– Только не говори, что ты стоял в очереди, – усмехнулась я.

– А где я был, по-твоему? – удивился Владан.

Данный ответ только укрепил меня в мысли, что сюда мы явились не случайно. Концерт закончился, прозвенел звонок, как в театре, и мы направились в зал. Сосредоточиться на фильме я не могла, так и подмывало головой вертеть. Марич не отрываясь смотрел на экран. Я даже подумала, может, сюда он явился, чтобы предаться размышлениям, без риска в самый неподходящий момент прервать их из-за того, что мне взбрело в голову сунуться с очередным вопросом? Зажгли свет, Владан поднялся, а я почувствовала себя обманутой.

Кинотеатр мы покинули и поехали ужинать в ресторан. В общем, если я права и Владан выбрал «Иллюзион» из каких-то неведомых мне соображений, то все самое интересное я умудрилась пропустить.

Домой мы вернулись поздно, не успели войти в квартиру, как Владан притянул меня к себе, положив руки на мои бедра, и стал целовать. Через несколько минут мы оказались на новом матрасе. Вспомнив о нем, я хихикнула, но вскоре всякая мыслительная деятельность у меня прекратилась, уступив место деятельности иного рода, и о такой замене я отнюдь не сожалела.

В общем, вечер выдался прекрасный, и утро ему было под стать, потому что проснулась я от поцелуя Марича. Поцелуем он не ограничился, а когда спустя довольно продолжительное время Владан отправился в душ, я лениво потягивалась, счастливо улыбалась, и вчерашнее беспокойство показалось сущей ерундой.

Подумав, я решила присоединиться к любимому, мое появление в ванной его порадовало, в общем, то утро могло бы смело претендовать на звание «самого счастливого», но за завтраком я вспомнила о папином приглашении и сказала об этом Маричу.

– Вечером я буду занят, – заявил он.

– Хорошо. К папе отправимся позже.

– Думаю, ты вполне можешь сходить одна, – пожал он плечами.

– Могу. Но хочу с тобой. А почему ты не хочешь – большой вопрос.

– Я же сказал: вечером я занят. Твой отец хочет видеть тебя и мое отсутствие легко переживет. К тому же я терпеть не могу семейные ужины, а также обеды.

– Полюбишь, – нахмурилась я. – Я уверена, папа как раз хотел с тобой встретиться… В конце концов, вы два самых близких мне человека…

– Поэтому нам обязательно друг другу глаза мозолить?

– Марич, ты моего отца боишься? Или даешь понять: протянем мы недолго, так что тратить время на мою родню нет никакого смысла?

– Лично мне больше по вкусу первый вариант, – засмеялся он.

– Но, подозреваю, что второй верней, – закончила я.

– Ты только представь: сядут за стол два взрослых мужика, один будет думать, что бы такого спросить, а другой – что бы такого ответить. И оба переживать, что ты дурака сваляла, выбрав не того парня.

– Ты переживаешь? – ахнула я.

– А то, – хмыкнул он. – Ты ж не чужой мне человек…

– Прекрати эти шуточки… Хорошо, позвоню папе и скажу, что у нас много работы. Он поймет.

– Лучше не надо, – поморщился Марич. – Не хватало только, чтобы ты с отцом редко виделась.

– Скажи честно, ты хочешь от меня избавиться?

– Боюсь, это невозможно, – с серьезной миной заявил он.

– На этот вечер, я имею в виду.

– Ах, на этот вечер… Одним вечером больше, одним меньше…

– Господи, что ж ты за свинья такая… – пробормотала я, взяла мобильный и позвонила папе.

Наплела про работу, отсутствие времени и прочее, извинилась и дала отбой. Марич сокрушенно покачал головой.

– Врать нехорошо, особенно тем, кого любишь.

– Все-таки интересно, что ты затеял.

– Ты будешь разочарована, потому что ничего я не затеял.

Однако я лишь укрепилась во мнении, что от меня нагло хотят избавиться.

– Ладно, поехали в Фонд, – поднимаясь из-за стола, сказал он совсем другим тоном.

На лестничной клетке мы столкнулись с Маринкой. Выглядела она, как всегда, сногсшибательно. Общение с моим отцом явно идет ей на пользу. Наши вкусы никогда не совпадали, но Маринке, надо признать, шло буквально все. Она могла позволить себе и платье с яркими розами, красными по черному полю, и спортивный костюм, расшитый пайетками. Я бы в таком наряде выглядела нелепо, а вот Маринка на пять с плюсом. Однако последнее время ничего вызывающе-кричащего я на ней не видела. Более того, ее сегодняшний наряд выглядел безукоризненно. Легкое пальто из шерсти цвета пыльной розы, серый в бледно-розовую полоску шарф и лодочки на среднем каблуке. В руке она держала сумочку из серой замши. Я заподозрила, что это папин подарок, потому что неплохо знала, сколько она стоит. Маринка, отличавшаяся здравым смыслом, нашла бы для этих денег другое применение, хотя, может, после разрыва с Маричем «пошла вразнос» и тратит деньги налево и направо.

– Классная сумка, – сказала я.

– Мне тоже нравится, – усмехнулась Маринка.

– Наверное, дорогая.

И кто же меня за язык тянет.

– Не фиг мои деньги считать, – отрезала она и повернулась к Маричу. – Ты похудел. Тебя эта пигалица кормит? Или вы на новом матрасе все никак не напрыгаетесь?

– Зависть приводит к язве желудка, – сказала я.

– Кстати, она права, – кивнул Владан.

– Идиот, я о тебе беспокоюсь.

– Лучше не надо.

Мы вышли на улицу, и Владан заспешил к своему джипу, я, само собой, за ним. Маринка наблюдала за нашими передвижениями с кривой ухмылкой.

– Как бы ее замуж выдать, – пробормотал Марич, заводя машину.

– За папу? – насторожилась я.

– Хоть за кого.

– Как ты можешь? – возмутилась я. – Вдруг она в самом деле выйдет за кого попало?

– Вряд ли, с головой у нее все в порядке.

– Ты не представляешь, на что способен человек в порыве отчаяния.

– Человек – не знаю, а женщина – на что угодно.

– Мужской шовинизм, совершенно тебя не достойный.

– Не забудь назвать меня гадом. У меня постоянно чувство дежавю, оттого что ты ругаешься ее словами.

– Марич… – рявкнула я, а он растянул губы в улыбке.

– Бабы – занятные существа: за вранье мстят, а правды не выносят.

– На самом деле она действительно о тебе заботится, – заметила я куда спокойнее и вздохнула.

– Ага, что-то мне подсказывает, долго я с вашей заботой не протяну.

– Что-то мне подсказывает, что да, – грозно ответила я.

Он засмеялся, сгреб мою руку и поцеловал. И жизнь сразу заиграла радужными красками.

Мы ехали в сторону проспекта. Занятая своими мыслями, я мало обращала внимание на то, что происходит за окном. Оттого появление «Бентли» золотисто-коричневого цвета явилось полной неожиданностью. Машина вдруг возникла прямо перед нами и начала тормозить, мигнув габаритами. Нас приглашали остановиться. «Бентли» в Яме – это что-то новенькое. Может, гостя из Москвы занесло сюда попутным ветром, и бедолага даже не догадывается, куда попал. Однако номера были наши, а местный люд очень хорошо знает, что это за район такой, и на «Бентли» сюда бы точно никто не сунулся. Горшок с цветком запросто может свалиться этажа эдак с третьего прямо на крышу. Или прошмыгнет мимо пацан на скутере, и на блестящем боку роскошной тачки появится глубокая борозда.

– Это что такое? – теряясь в догадках, пробормотала я, глядя на Владана.

Он за это время успел пристроить джип за «Бентли» и не спеша вышел. Тут дверца авто распахнулась, и показался Петряков, то есть Колумбиец, широко улыбнулся, подняв ладонь в знак приветствия. Владан направился к нему, и я, конечно, тоже.

– Как тебе моя нынешняя? – со смешком спросил Колумбиец, пожимая руку Владана, и кивнул на свою машину. – Ты-то знаешь толк в хороших тачках…

– Впечатляет, – сказал Владан без особого, впрочем, интереса. Во дворе у него стоял «Мазератти», но передвигаться он предпочитал на джипе, который, кстати, недавно поменял. «Рендж Ровер» неизменно черного цвета и рядом с «Бентли», которому было лет десять, выглядел очень достойно. – У тебя по всем законам жанра должен быть частный самолет и собственная железная дорога.

– С чего бы вдруг? – засмеялся Колумбиец, хотя явно был польщен.

– С того, что ты у нас крутой наркобарон.

– Какой еще наркобарон? Ты хоть себя слышишь?

– Иногда долетает, – кивнул Владан. – Но не очень часто, врать не буду.

Они привалились к машине и теперь стояли рядом, сложив руки на груди, слегка соприкасаясь локтями. Я пристроилась рядом с Владаном. Должно быть, наша троица выглядела колоритно, не зря из всех проезжавших мимо машин на нас глазели. В окнах дома напротив тоже появились люди.

– Говорят, ты меня искал? – спросил Колумбиец, не поворачиваясь.

– Ага. Поболтать хотел.

– По поводу Фонда? – На сей раз Колумбиец повернулся к Владану, а я гадала: с какой стати мы торчим здесь, на виду у десятка граждан? Колумбиец мог найти более подходящее место. Или подобная демонстрация ему зачем-то понадобилась? Беда с этими мафиозо, кто знает, что у них на уме.

Владан в ответ на его вопрос молча кивнул.

– Если ты решил, что я имею отношение к убийству этой бабы, то напрасно. Мне ее Фонд по барабану.

– Ну так и расскажи, кому он помешал. Точнее, кому помешала Ольга.

– Разбежался, тебе палец дашь, ты всю руку оттяпаешь.

– Я бы не преувеличивал мои аппетиты, – серьезно ответил Марич.

– Никогда не мог понять, ты прикалываешься или…

– Я не прикалываюсь. Так что там с Фондом?

– Откуда мне знать? Я же сказал, мне нет до него дела.

– Занятно получается. Тебе дела нет, а без тебя в Яме никто дел не проворачивает…

– Времена меняются, – пожал плечами Колумбиец и неожиданно заговорил с обидой: – Помнишь, как я к тебе обратился? А ты мне что ответил?

– Это когда ты на киллера охотился? Так я его нашел. И, если не ошибаюсь, сейчас он в суровых краях в меру сил поднимает благосостояние Родины.

– Он был нужен мне, а не Родине.

– Согласись, мой вариант тоже неплох.

– И с какой стати мне тебе помогать? – спросил Петряков. – От тебя-то помощи хрен дождешься.

Владан пожал плечами.

– Кто знает…

– Кто знает, – передразнил Колумбиец. – Ты вчера моему парню чуть шею не сломал. Хотя, может, и за дело, конечно…

– Тогда о чем говорить?

– Фонд мне этот на хрен не интересен, и что там за дела, я не знаю. Об убийстве, конечно, слышал, но и к нему интереса не проявлял. С какой стати? А вот то, что у нас кто-то борзый на районе, это факт. Жаль, не знаю кто.

– Ты да не знаешь?

– Марич, – вздохнул он, а я отметила: Владана он назвал по фамилии, хотя обычно предпочитал прозвище – Серб. Интересно, это что-нибудь значит? – Времена и вправду меняются. Сейчас, чтобы дурь толкать, вовсе не обязательно шляться по подворотням да в ночных клубах тереться. Можно делать деньги не выходя из дома.

– Ну, выйти-то все же придется.

– Придется. А вот светиться без надобности. Пробежался ближе к утру, когда народ спит, сделал закладки, а дальше в ход идет интернет. Большинство нариков сейчас своего дилера в глаза никогда не видели.

– И все же кто-то еще появился на районе?

– Точно, – помедлив, кивнул Петряков.

– Давно?

– Примерно год назад, может, раньше.

– И до сих пор не нашли? – усомнился Владан.

– Осторожный, сволочь. И башка у него варит.

– По-твоему, киллера он нанял?

– Может, он, а может, кто другой. А вот двоих парней, что на меня работают, на днях избили, – после паузы продолжил он. – Один и вовсе пропал.

– Вот как? Но где-то этот хитрец дурь берет.

– Само собой. И нас это очень интересует.

Колумбиец открыл дверь «Бентли», а Владан, ткнув пальцем в кожаное сиденье, спросил уважительно:

– Человечья?

– Ну что ты за тип, – досадливо покачал головой Петряков. – Короче, если новости появятся или возникнет желание совместно поработать, заглядывай.

– Обязательно. Как говаривал Иван Сусанин, водки не обещаю, но погуляем хорошо.

– Надо бы тебя пристрелить на хрен, – садясь в машину, вздохнул Колумбиец.

– А что мешает?

Тот махнул рукой, сказал «пока» и вскоре скрылся за поворотом.

– Между прочим, он прав, – направляясь к джипу, заметила я. – Почему бы не объединить усилия?

– Поучи еще.

– У тебя скверная привычка дразнить всяких мерзавцев, – не унималась я.

– Сейчас пешком отправишься, – пригрозил он.

– Лучше бы объяснил, почему ты отказался.

– Потому что. Надеюсь, тебя такой ответ удовлетворит? Если нет, в самом деле пешком отправишься.

Я сочла за благо замолчать. Владан ничем не хочет быть обязанным Колумбийцу. В прошлый раз он отшил Петрякова, потому что не сомневался: киллер тут же отправится на кладбище, а вовсе не в тюрьму. И я была с его решением согласна. Но сейчас-то… «Сейчас, по сути, то же самое», – мысленно вздохнула я. Найдем мы типа, который Колумбийцу точно кость в горле, и он с ним разберется по-своему. А хоть бы и так… Один мерзавец укокошит другого мерзавца…

Здание, где находился Фонд, пряталось в глубине двора. Оставив машину напротив ворот, мы вошли в настежь распахнутую калитку и вскоре оказались возле солидной двустворчатой двери, деревянной, с резьбой. Я разглядела виноградные листья и цветы. Владан с такой силой нажал на дверной звонок, точно испытывал к нему личную неприязнь. Настроение у него явно было не лучшее, и я заподозрила, что виновата в этом я. Раздался щелчок, Владан открыл дверь, и мы оказались в просторном холле, где нас уже ждала Екатерина Юрьевна.

– Здравствуйте. – Чувствовалось, она здорово волнуется. – Вы сказали, что хотите поговорить с моими коллегами. На все ваши вопросы касательно Фонда я могу ответить сама. – Владан на это никак не отреагировал, и она продолжила: – Я думаю, вам будет удобнее в моем кабинете.

– Давайте для начала осмотримся, – сказал Владан. – Сколько у вас постоянных сотрудников?

– Сейчас только трое, не считая меня. Большинство работает на общественных началах. Олег в отпуске. Вы понимаете, человеку надо свыкнуться с жуткой трагедией. Хотя я бы предпочла, чтобы он был здесь. И не потому, что рук катастрофически не хватает… для него так было бы лучше… Работа лечит, вы как считаете?

– Меня работа утомляет, – с серьезной миной заявил Владан, продолжая оглядываться. – Значит, Олег сейчас дома. Справляется один?

– Я стараюсь помогать. Вот здесь наш штатный психолог, Анастасия Петровна, – кивнула она на ближайшую дверь. – Далее кабинет Марии Сергеевны, Маши, она секретарь Ольги… была. Дальше по коридору два зала, для психологической разгрузки и для занятий. И еще один

вход. С улицы дверь мы не запираем. Когда кто-то ее открывает, мы слышим сигнал и идем встречать. Обычно у нас дежурят волонтеры. Через час придут трое. А пока мы справляемся.

– Многих сегодня пришлось встречать? – задал вопрос Владан.

– Нет, – Екатерина вздохнула, пожав плечами. – Оля была нашим добрым ангелом. А после ее смерти все словно разладилось. Но надежду мы не теряем и продолжаем работать.

– Что ж, начнем с психолога? – направляясь к двери, сказал Владан. Екатерина вроде бы собралась с нами, но Марич ее остановил. – Мне бы не хотелось, чтобы из-за нас работа у вас встала.

Екатерина все поняла правильно и удалилась в свой кабинет, скороговоркой произнеся:

– Если вдруг что-то понадобится…

Владан постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь. Пухленькая женщина лет тридцати сидела на корточках перед стеллажом и перебирала книги. Увидев Марича, вдруг залилась краской, вскочила, одергивая трикотажное платье, которое ей было коротковато. Перевела взгляд на меня и нахмурилась.

– Здравствуйте, – произнесла с вызовом.

– Анастасия Петровна? – Владан широко улыбнулся, а женщина нервно сжала руки. Это на нее так Марич действует? Интересно, почему? Такое впечатление, что мы застукали ее за постыдным занятием, точно она не книжку искала, а кошек мучила.

– Да, – кивнула женщина поспешно. – А вы сыщик, да? Екатерина Юрьевна предупреждала о вашем приходе.

– Я – Владан, а это – Полина, – кивнул он. – Можно? – Владан указал рукой на стул, придвинул его мне, сам устроился на соседнем. Анастасия продолжала стоять посреди комнаты, потом, точно опомнившись, бросилась к своему месту за столом.

– О чем вы хотели поговорить? – спросила деловито.

– Об Ольге, естественно, – сказал Владан.

– Вряд ли я могу сообщить что-то новое. Следователи меня уже допрашивали. Это было ужасно. Такое впечатление, словно нас всех подозревают. Они часами задавали одни и те же вопросы. Я думала, все это позади. И вот вы…

– Мы здесь по просьбе госпожи Даниловой, это она обратилась к нам.

– Не очень понятно, зачем. Что ж, вы здесь… и у меня нет выбора. – Она хлопнула по столу ладонями. – Задавайте ваши вопросы.

– Давно вы здесь работаете?

– Чуть больше года. Я единственный штатный психолог, остальные – волонтеры. Скажу сразу, с Ольгой Михайловной мы не особенно ладили. Она позволяла себе вмешиваться в те сферы, в которых ничего не смыслила. Разумеется, я не оставляла это без внимания, а она… Впрочем, все это было в рамках приличия. Просто разногласия в работе. Но следователи раздули из мухи слона и изводили меня вопросами.

– Значит, на работе у нее были конфликты. Только с вами?

– Господи боже мой, да конечно, нет! Она считала, что все знает лучше других, постоянно вмешиваясь.

– То есть сотрудники были недовольны?

– Нет, почему же… Я этого не говорила. Мы пришли сюда помогать людям. В этом наша миссия. Все остальное вторично.

– Расскажите немного об Ольге, – попросила я. – Какой она была?

– Ну… Она, безусловно, обладала организаторскими способностями, умела расположить к себе. Ей доверяли, и она этим пользовалась.

– В смысле? – поднял брови Владан.

– Не делайте вид, что меня не поняли, – отрезала Анастасия. – Раз в месяц она перед нами отчитывалась. Но лично я скептически относилась к ее отчетам. Сотрудники получали

минимальную зарплату. Куда шли деньги, а они, можете мне поверить, были немалые, никто не знал. Оставалось лишь догадываться…

– И куда же шли деньги, по-вашему?

Анастасия пожала плечами, презрительно фыркнув.

– О личной жизни Ольги Михайловны вам что-нибудь известно?

– Мы не обсуждали личные темы. Я знаю, она переживала из-за брата. Став инвалидом, он замкнулся.

– Она обратилась к вам за помощью?

– Нет. Хотя в помощи он, безусловно, нуждался. Однако он из тех, кто уверен, что справится сам. А сестра шла у него на поводу.

– Брат и сестра ладили?

– Она ни в чем ему не отказывала. Жалела его. Сначала они лишились родителей, потом эта ужасная история. Она не понимала, что своей слепой любовью создает вокруг него вакуум. Для него никого, кроме сестры, не существовало. Он слушал только ее…

Анастасия мало-помалу разговорилась, при этом то краснела, то начинала нервно перекладывать бумаги на столе, потом вдруг уставилась на Владана и заявила:

– А вы нравитесь людям.

Марич и глазом не моргнул.

– У меня потрясающая харизма, – кивнул он, после чего решил, что пора нам и честь знать, легко поднялся и сказал: – Спасибо за содержательную беседу.

– Вы уходите? – растерялась Анастасия, похоже, это ее огорчило, хоть она и жаловалась, что устала от вопросов. – Вы не оставите мне свою визитку? Вдруг я что-нибудь вспомню?

– Номер телефона есть у Екатерины Юрьевны, – порадовал Владан и покинул кабинет.

– Вряд ли она обратится к Екатерине, – заметила я.

– Слава тебе, Господи, за мелкие радости, – пробормотал он.

– А если правда что-то вспомнит?

– У этой бабы тараканы в голове величиной с меня.

– Тогда зачем ты на нее время тратил?

Он пожал плечами и распахнул соседнюю дверь, забыв постучать. Девушка, сидевшая за компьютером, против воли вызывала улыбку. Худенькая, ослепительно-рыжая, с золотистыми веснушками по всему лицу. Впрочем, лицом они не ограничились, по тонкой шее спускались за ворот футболки и появлялись из-под коротких рукавов. Узкие пальцы украшали штук пять колечек с камнями-стекляшками, на голове ободок с ушками. Девушка посмотрела на меня, перевела взгляд на Владана и заявила с хитроватой улыбкой, точно разгадав большой секрет:

– А я вас знаю.

– Это избавит меня от необходимости лишний раз представляться, а вас зовут…

– Маша. Вообще-то, Мария Сергеевна, но меня так никто не зовет.

– Так это же неплохо, – кивнул Марич, а она засмеялась.

– Мне тридцать два…

– Ух ты… – вытаращил Владан глаза.

– Вот-вот. Пора бы и по отчеству. Но маленькая собачка до старости щенок.

«Да еще рыжая и с веснушками», – хотелось добавить мне, но я промолчала.

Марич между тем устроился напротив девицы.

– Значит, вы теперь займетесь этим делом? – спросила она. – Между прочим, Екатерине Юрьевне обратиться к вам я посоветовала.

– Даже не знаю, как вас благодарить…

– То есть идея возникла у нее, – то ли уловив иронию, то ли просто справедливости ради сказала Маша. – Но она сомневалась, что вы возьметесь. А я сказала: смело идите, не откажет.

– Да? И с чем связана такая уверенность?

– Репутация, – пожала Маша плечами.

– А что с ней? – насторожился Владан.

– С репутацией? – растерялась девушка.

– Мы ведь сейчас о ней говорили? – еще больше насторожился он.

Ясное дело, ему захотелось дурака повалять, а я, пока девушка окончательно не смешалась, решила прийти ей на помощь.

– Меня больше интересует, почему Екатерина Юрьевна сомневалась, – улыбнулась я.

– Ну, это как раз понятно, – пожала Маша плечами. – Кому охота связываться с местной шпаной, тем более… – Тут она вдруг пунцово покраснела и вроде бы прикусила язык… Выходит, не особо я ей помогла.

– Тем более что? – не удержался Владан, как видно, психологиня его успела достать, и теперь он решил отыграться.

– Ну… вы в нашем районе… вас все знают. И многие у вас в друзьях… еще по детству.

Теперь девушку было по-настоящему жаль, пока я прикидывала, как ей помочь, желательно более удачно, она скороговоркой закончила:

– Но я сказала, Серб за справедливость, это все знают.

– Вы чересчур высокого мнения обо мне, – кривенько ухмыльнулся Марич.

– На самом деле вы совершенно правы, – сказала я. – Он такой. Настоящий Робин Гуд.

– А я про что! – воодушевилась Маша.

Марич закатил глаза, однако желание вредничать его оставило.

– Ладно, рыжая, рассказывай, что у вас здесь за дела творятся.

На «рыжую» она ничуть не обиделась, и на внезапное «ты» тоже. Напротив, хихикнула весело и сказала, перегибаясь через стол к Маричу:

– За что Ольгу могли убить?

– А ты знаешь?

– Менты считают это ограблением. Курам на смех. Хотя ментов понять можно. На фига им геморрой? А здесь шикарная отмазка. Влезли в дом обдолбанные придурки… Район у нас, сами знаете…

– То есть ты уверена: убийство связано с Фондом? – посерьезнел Владан.

– Ага. Только не так, как можно подумать.

– А как?

– Сейчас попробую объяснить. От Фонда, конечно, польза есть, точнее, была, когда здесь Ольга рулила. Кое-кому мы реально помогли. Не скажу, что спасали десятками, но в таком деле… Короче, если хотя бы один человек смог завязать, то все не зря. Понимаете?

– Более или менее.

– Фонд – дело нужное, но… мы предлагаем жизнь реальную, следовательно, нелегкую, а они… – ткнула она пальцем куда-то за спину, – райские кущи. Предложение неравноценное, как вы понимаете… И маркетологи у них будь здоров.

– Хочешь сказать, никакой угрозы Фонд для торговцев наркотой не представлял?

– Нет, конечно. Ну, может, мы их малость раздражали.

– Н-да, – хмыкнул Владан. – Неожиданное заявление.

– Почему? Вы ж местный и знаете, в Яме приходится уживаться друг с другом. Иначе полный трындец. Мы не лезем в ваши дела, вы не суетесь в наши, примерно так. Ольга до президента дозвонилась, и связываться с ней было себе дороже. Ну, тусуется у нас молодежь, сомневаюсь, что на выручке торговцев наркотой это реально сказалось. Если по-простому: мы – спасаем, они – травят, и все у нас, в общем-то, хорошо.

Теперь я закатила глаза, а вот Владан, пожалуй, был с девушкой согласен, и после паузы спросил:

– Значит, не грабители, но и не Фонд. Тогда что?

– Фонд. Но по-другому, – вдруг перешла она на шепот.

– Давай без драматических пауз и потолковей, – не выдержал Марич.

– Думаете, это так просто?

– Ты все-таки попробуй.

– У нас ведь здесь разные люди тусуются. Вот я и подумала: Ольга могла что-то узнать. Что-то по-настоящему для них опасное. И ее поспешили убрать.

– И что это, по-твоему, может быть?

Девушка виновато пожала плечами.

– Не знаю. Может, кто-то проболтался о крупной партии или еще о чем-то в этом роде. Понимаете?

– Не очень. Это вольный полет фантазии или для такого вывода все же есть основания?

– Если честно, то оснований нет. Просто я размышляла и так, и эдак… Хотя кое-что все же было. За пару дней до убийства Ольга пришла точно сама не своя. Я загляну к ней, а она все в окно смотрит. Знаете, как при несчастной любви, когда все из рук валится и не знаешь, что с собой делать.

– Ну, может, в ней все и дело? В несчастной любви?

– И вовсе нет. Короче, сами посудите. У нас в тот день совещание было, все как обычно, с докладами да предложениями, а Ольга куда-то поверх нас смотрит и вроде даже не слушает. А потом на листке бумаги что-то писать стала. Это, конечно, как раз дело обычное, записывать что-то, я имею в виду. Но как-то уж очень чудно она это делала, словно о своем думала. А когда расходиться стали, листок скомкала и в корзину бросила.

– Ума-то хватило взглянуть, что она там писала? – проворчал Марич.

– Я любопытная, – шмыгнув носом, ответила Маша. – Хоть мне было стыдно, все-таки это некрасиво.

– Не тяни.

– В общем, когда Ольга ушла, я листок из урны вынула. Знаете, что она написала?

– Ты меня с ума сведешь! – рыкнул Владан.

– «Я знаю, кто это», вот что там было, – возвестила рыжая. – Три раза подряд.

– Я знаю, кто это? – повторила я.

– Вот именно. Ясно, что Ольга случайно узнала…

– Страшную тайну, – вздохнул Марич.

– А что еще, по-вашему?

– И никаких догадок, что это может быть?

Она развела руками в большой печали.

– Я уже голову сломала, но ничего придумать не смогла.

– Хорошо, допустим, Ольга что-то узнала… С кем в последнее время она общалась? Может, в окружении появился новый человек, или здесь, в Фонде, она разговаривала с кем-то чаще, чем с другими?

– Да вроде нет, – подумав, ответила рыжая. – Она с нашим контингентом общалась постольку-поскольку. На ней было, так сказать, общее руководство, связь с администрацией, ну и, конечно, со спонсорами. Выжать из денежных мешков немного средств она умела. Катерина в этом смысле ей не чета. Как Ольги не стало, с финансированием у нас наметилась пятая точка. Пока еще барахтаемся, но фиаско неотвратимо близится.

– А как же Малышев? – спросила я.

– Евгений Сергеевич? – усмехнулась рыжая. – Евгения Сергеевича судьба наркоманов мало интересует. Я бы даже сказала, ему пофиг.

– Но он ведь основной спонсор?

– Ага… Но вряд ли надолго им останется. Я имею в виду теперь, когда нет Ольги…

– С Ольгой у них были особые отношения?

– Я свечку не держала, но, думаю, да. Достаточно увидеть их вместе, чтобы понять… Это, знаете ли, не скроешь. Взаимную симпатию, я имею в виду.

– Малышев женат? – вновь задала я вопрос.

– А как же. Только кому и когда это мешало? Он чуть ли не каждый день к нам наведывался. Особенно первое время, когда ее обхаживал. Потом, должно быть, другое место для встреч нашли.

– Ольга отношений с ним не скрывала? – подал голос Марич.

– На людях всегда обращалась к нему на «вы» и по имени-отчеству. Он, кстати, тоже. В общем, приличия соблюдали. Но, как я уже сказала, все было видно невооруженным глазом. Потому что такие вещи, как мне кажется, не скроешь. Взять хоть нашу Екатерину Юрьевну. Вот уж кто шифруется, а все равно дураку ясно, что она втюрилась в Малышева по самые уши.

– Серьезно? – заинтересовалась я.

– А то… Как его увидит, сразу становится красная как рак и начинает бумажки бестолково перекладывать. Отвечает невпопад и глаза от него отводит… влюбленная гимназистка, ей-богу. И смех, и горе на нее смотреть. А попробуй сказать, что она втюрилась, заголосит: глупости! Это я в том смысле, что иногда люди в своих чувствах даже себе боятся признаться.

– А Ольга на поведение Екатерины внимание обратила, как по-твоему?

– Ну, не заметить-то не могла.

– Но никак это не комментировала?

– Нет, конечно. Ольга со всеми соблюдала дистанцию. Не в том смысле: я – начальник, ты – подчиненный. Она сама по себе человек закрытый.

– Друзья у нее были?

– Здесь точно нет. А так… возможно. Ольга очень принципиальная, про таких говорят: если что, отца родного не пожалеет. Сами понимаете, дружить с подобными людьми нелегко.

– То есть близких отношений с той же Екатериной не было?

– Екатерине в подруги очень хотелось. Она за Ольгой точно тень ходила. Сначала я думала: подхалимка, потом – лесбиянка, мол, втюрилась в Ольгу… Но когда появился Малышев, стало ясно: с ориентацией у нее все в порядке. Но за Ольгой все равно бегала, как хвостик. А теперь за ее братом.

– Олег, как я понял, сегодня на работу не вышел?

– Он после убийства никак в себя не придет. Первый месяц вообще не появлялся. Сейчас, бывает, наведывается. Но, чувствуется, не до работы ему. Накроется наш Фонд скоро. Я ж говорю, на ладан дышим.

– Значит, все здесь держалось на Ольге? – вздохнула я, и рыжая пожала плечами.

– Олег, вообще-то, парень толковый, и будь он в другом состоянии, мы бы справились. Но ему, похоже, не до Фонда. Вообще ни до чего.

– Очень переживает гибель сестры?

– Не то слово. Ее, можно сказать, при нем убили. Если б он был здоров, раскидал бы этих уродов, как щенков. Парень он крепкий. А тут… по лестнице сам не поднимется.

– Ко всему прочему он был в наушниках и не услышал криков сестры, – напомнила я.

– Вот именно. Считает себя во всем виноватым.

– Это он так сказал?

– Он молчит. Это у них семейное: свои мысли и чувства при себе держать. Но… короче, догадаться нетрудно.

– С сестрой у них были близкие отношения?

– Конечно. Что бы он без нее делал? Теперь один-одинешенек. Правда, сейчас Екатерина за ним приглядывает. Но как долго это продлится…

– Ольга любила брата?

– Само собой. А после того, что с ним произошло… Она и Фонд-то создала из-за этой истории. Вы ведь знаете, что с ним случилось?

– На него напали наркоманы?

– Ага, человек пять. Неизвестно, что бы с ним было, если бы не сестра. Она за ним не только ухаживала. Работой загрузила… в общем, парень жил полноценной жизнью.

– А он как к сестре относился? – вмешался Владан.

– Хорошо. Как еще?

– По-разному бывает. Кому-то чужая забота как кость в горле.

– Нет, – покачала головой Маша. – Они любили друг друга. Она же ему вместо матери была. И вообще… на людях своих чувств не демонстрировала, характер не тот, но видно было: друг о друге заботятся. Она то рукой по его волосам проведет, то плечо погладит. Вроде между прочим, по привычке. И он, когда на нее смотрел, сразу светлел лицом. И ее заботой не тяготился. Конечно, стать инвалидом, да еще в таком возрасте, испытание не для слабонервных. Так вот, Олег – мужик крепкий, нюни не распускал, пытался жить, как нормальные люди, и сестра ему помогала. А сейчас его состояние понятно. И без того сестру потерять просто ужасно, единственного близкого человека, а тут еще и бытовые трудности. При ней он был от них избавлен. Парню нужно время, чтоб в себя прийти и жизнь как-то наладить. Пока Екатерина ему помогает. Я, кстати, тоже не против, мне не в тягость. Но Екатерина намекнула, чтоб я не совалась.

– У нее какие-то виды на него?

– На Олега? Да ладно. Она ж ему в мамаши годится. Опять же Малышев, куда денешь свою большую любовь?

– Тогда какой ей резон тебя отшивать? – усмехнулся Марич.

– Такой, что Екатерина во всем любит быть главной. Работы на себя взвалила и стонет… А чего стонать? Свою работу делай, остальное сделают те, кому это положено. Так нет…

– Не особо ты ее жалуешь, – заметил Владан.

– Вы спрашиваете, я отвечаю… Между прочим, из-за нее парня одного уволили. Хороший парень… С Екатериной поссорился, она тут же Ольге нашептала, и он оказался за дверью. Она ж у нас правая рука начальства. И конкуренции не терпела. А работник так себе, что сейчас и видно невооруженным глазом. Дорвалась до руководящей должности, теперь пожинает плоды. Жаль, что нам тоже приходится.

– А что за уволенный парень? – проявил интерес Марич.

– Ромка Исаев, за всю нашу технику отвечал. Ну и так, всем понемногу помогал. Безотказный. И парень отличный. Со всеми ладил, а Екатерина его невзлюбила, уж не знаю за что. Постоянно цеплялась. Он не выдержал и сказал ей, что думает по этому поводу.

– И был уволен?

– Ага. Она Ольге настучала. А та, не разобравшись, приняла ее сторону. Не повезло парню. Хотя теперь как посмотреть.

– Когда его уволили?

– Вообще-то считалось, он сам уволился. По собственному желанию… Примерно за месяц до убийства.

– А где найти этого Ромку?

– Где он теперь работает, не знаю. Он звонил несколько раз уже после убийства, но о работе мы не говорили. Телефон, похоже, сменил. А адрес могу дать.

– Заодно и список ваших подопечных, – кивнул Владан.

– Думаете, это может быть кто-то из них? – нахмурилась Маша.

– Ничего я пока не думаю, – ответил Владан. – А проверить надо.

– Может, вы и правы, – принялась размышлять рыжая. – Наркоманы такой народ… хоть и бывшие… никогда не знаешь…

Она повернулась к компьютеру, потом включила принтер и вскоре протянула Владану список на нескольких листах, предварительно вложив их в папку-файл. Владан список быстро просмотрел, после чего направился к двери.

– Помалкивать о том, что вы приходили? – адресуясь к его спине, спросила Маша.

– А ты сможешь?

– Постараюсь, – весело хихикнула она.

– Не истязай себя, тем более что об этом все равно к вечеру узнают.

– Это точно, – согласилась она.

Владан распахнул дверь, заговорщицки подмигнул девушке и, дождавшись, когда я выйду, сказал:

– Пока, рыжая.

Она вновь хихикнула, а он наконец-то дверь закрыл.

Через минуту мы покинули здание Фонда, при этом у меня создалось впечатление, что Марич не хочет встречаться с Екатериной.

– И что теперь? – спросила я и кивком указала на папку в его руках. – Будем опрашивать всех по списку?

– Я ж не спятил. Тут работы на пару недель. Да и смысла не вижу.

– Тогда зачем тебе список? – удивилась я.

– Пригодится. Вообще-то я собираюсь поручить всю неблагодарную работу кому-нибудь другому.

– Мне?

– Хорошего ты обо мне мнения… – хмыкнул Владан.

– Я, кстати, совершенно не против. Боюсь только, разговаривать со мной они не захотят.

– А вот это ты зря. Поболтать с красивой девушкой всегда приятно.

– Знаешь, Марич, твоя бывшая права: быть на ее месте довольно сложно.

– Да ну? И в чем причина такого пессимистичного заключения?

– Я тебя ревную.

– К рыжей? – удивился он.

– При чем здесь рыжая? Она что, тебе понравилась? – насторожилась я, а Владан рассмеялся.

– В общем, да. Но совсем в другом смысле. Она хорошая девчонка.

– Слава богу. Но все равно беспокойно. Просто ужас какой-то… Стоит тебе сказать что-то о девушках… – Я досадливо махнула рукой.

– А раньше ты меня не ревновала?

– Раньше почему-то меньше. Только не вздумай предложить разбежаться, – посуровела я.

– Я же не псих, – попенял он.

Уже некоторое время мы сидели в машине, но уезжать Владан не спешил.

– А ты меня не ревнуешь? – закинула я удочку.

– А есть к кому?

– Нет. Но все равно…

– Я в тебе абсолютно уверен, – сказал он вроде бы серьезно, но все равно казалось, что смеется. – И тебе, кстати, советую. На самом деле мне тебя за глаза, так что не терзай себя понапрасну.

Я фыркнула презрительно, а он меня поцеловал. Кстати, лучшее, что мог сделать в такой ситуации.

– Ты меня любишь? – спросила я, когда он чуть отстранился.

– Вроде да…

– Марич…

– Конечно, люблю. Даже больше, чем следует.

– Почему это?

– Потому что ты зануда.

Он вновь взял папку, достал бумаги и стал их быстро просматривать.

– О, – сказал где-то через минуту. – Этот нам подойдет.

– Знакомый? – спросила я.

– Типа того. Придется немного подождать, для него еще слишком рано.

Владан наконец завел машину и не спеша тронулся с места.

– Куда мы сейчас, к уволенному Исаеву?

– Думаю, есть смысл с ним поговорить, – кивнул Владан. – Интересно, что Екатерина Юрьевна о нем не упомянула.

– Он уволился за месяц до убийства. Был очень обижен и решил отомстить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.